

Д. В. ИОЖИЦА
D.V. IOZHITSA

НАЗЕМНЫЕ ПАМЯТНИКИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА: ОДНОНЕФНЫЕ ХРАМЫ¹

GROUND CHURCHES OF THE MANGUP SETTLEMENT. SINGLE-NAVE CHURCHES

Введение. Мангупское городище является крупнейшим средневековым «пещерным городом» Юго-Западного Крыма. Археологическими исследованиями, проводимыми с середины XIX в., на территории памятника и его ближайшей округи выявлено 27 христианских храмово-погребальных комплексов разных периодов в его истории. Значительная часть из них представлена однонефными храмами, как наземными, так и пещерными. В статье речь пойдет о наземных культовых сооружениях.

На сегодняшний день, на территории Мангупа и его округи всего известно семь однонефных² наземных храмов, планировка которых сохранилась полностью: церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, церковь 1969 г., церковь 1967 г., церковь 1968 г., церковь на г. Илька и часовня на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе (рис. 1). Эти церкви относятся к двум этапам истории местной христианской общины: золотоордынскому (конца XIII в. – около 1395 г.) и феодоритскому (около 1400–1475 гг.) [Герцен, Науменко, Иोजица, 2021, с. 262].

В первую хронологическую группу включены церковь 1967 г. и церковь 1968 г., расположенные на эспланаде Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун на расстоянии 165 м друг от друга. По мнению В. Л. Мыца, в это же время была построена малая однонефная часовня на руинах крестообразного храма, которая продолжала функционировать вплоть до XVIII в., после чего была заброшена и разобрана на камень. Однако в 1938 г. археологическими разведками здесь было открыто турецкое кладбище XV – XVI вв., что позволяет ограничить верхнюю дату существования часовни концом XV в. [Веймарн, 1953, с. 420; Мыц, 1984, с. 57 – 66]. Таким образом, часовня на месте крестообразного храма, очевидно, относится к феодоритскому периоду в истории Мангупской крепости. Сюда

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119. Выражаю признательность А.Г. Герцену и В. Е. Науменко за возможность опубликовать материал самостоятельно.

² В работе используется устоявшийся в науке термин «однонефный храм», несмотря на его некоторую терминологическую неточность. В действительности, в истории архитектуры «нефом» называется прямоугольное здание или часть здания прямоугольной формы, продольные компоненты которого конструктивно завершаются колоннадой с одной или двух сторон [Патрина, 2001, с. 118]. Следовательно, архитектурный тип рассматриваемого культового сооружения корректнее все-таки обозначать как «зальный».

же, во вторую хронологическую группу, включены церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, церковь на склоне г. Илька и, предположительно, церковь 1969 г.

История изучения, характер исследований и степень сохранности всех этих памятников различны. Из них только церковь Св. Константина и часовня, построенная на развалинах крестообразного храма, остаются слабо введенными в научный оборот и поэтому не имеют полного архитектурного описания. Архитектурные остатки остальных храмов уже достаточно хорошо известны в литературе.

Церковь 1967 г. (рис. 1-2). Расположена на эспланаде юго-восточной куртины цитадели на м. Тешкли-бурун. Впервые был открыт и частично исследован Е. В. Веймарном в 1967 г., доисследован в 2018 г. Церковь спланирована на хорошо выровненной скальной площадке с ярко выраженными границами. Ее общие размеры – 12,00×8,00 м. Перепад высот в пределах церковной площадки в направлении с востока на запад до 0,12 м. Фактически по ее центру высечен скальный цоколь храма, сохранившийся на высоту до 0,50 м. В плане храм однефный, одноапсидный, ориентирован по оси СЗ – ЮВ, азимут 121°. Его общие размеры: внешние – 8,00×4,50 м, внутренние – 6,30×3,10 м. Апсида полукруглая, выступающая из толщи стен храма на 1,90 м. Размер радиуса: внешний – 2,0 м, внутренний – 1,30 м. Толщина стен церкви в пределах 0,70-1,00 м.

Архитектурная композиция церкви 1967 г. состоит из алтарной части, прямоугольного наоса, солеи и церковной площадки.

В центре апсиды расположена небольшая скальная вырубка квадратной формы (0,20×0,20×0,10 м) под основание ножки-столба престола. Вокруг нее еще четыре небольших по размеру (0,16×0,20×0,10 м) вырубки, вероятно, под основание кивория. В плане киворий прямоугольный, общими размерами 0,60×0,80 м. Внутри, вдоль апсидной стены, на расстоянии 0,30-0,50 м фиксируются четыре близких по размерам прямоугольных вырубки в скале размерами 0,25×0,10×0,05-0,10 м. Расстояние между ними в пределах 0,90-1,40 м. Назначение этих вырубок не совсем ясно. Можно предположить, что это следы от устройства скамьи-синтрона.

Перед апсидой расположена солея – предапсидная площадка, ширина которой совпадает с шириной храма. Ее размеры 0,80×3,00 м. Следов алтарной преграды не выявлено. Ниже солеи на 0,17 м располагается пол наоса, хорошо выровненная скальная площадка общими размерами 3,80×3,10 м. Внутреннее пространство наоса полностью занято скальными могилами-костницами №1, 2 и 4. Еще одна могила №3 осталась незавершенной и, вероятно, не использовалась по своему назначению. Все гробницы имеют заплечики шириной 0,10-0,13 м и высотой до 0,09 м, с помощью которых они перекрывались плитами в уровень пола наоса. Могилы № 2-4 расположены в оси храма, могила №1 – по оси север-юг. Размеры могил без заплечиков: №1 – 1,80×0,45×0,50 м, № 2 – 2,0×0,50×0,32 м, №4 – 1,80×0,75×0,50 м.

Вход в храм один, расположен с запада. В плане прямоугольный, шириной до 1,10 м. Входной порог возвышается от уровня пола наоса на 0,41 м. Конструктивно профиль входа 5-ступенчатый. Три ступени (восточные) расположены в толще за-

падной стены церкви. Остальные ведут вниз на церковную площадку перед храмом, расположенной выше уровня пола церкви на 0,04 м. Ширина всех ступеней около 1,10 м, глубина от 0,30 до 0,40 м, высота от 0,06 до 0,21 м.

Перед входом спланирована церковная площадка общими размерами 3,20×8,40 м. Здесь также в оси с храмом вырублены скальные могилы №5 и 6. Как и могилы внутри церкви, они имели заплечики по периметру и перекрывались плитами шириной до 0,08 м и высотой до 0,10 м. Размеры могил без заплечиков: №5 – 2,0×0,85×0,40 м, №6 – 1,80×0,75×0,46 м.

Храм функционировал в пределах конца XIII – начала XV в. и был полностью разобран на строительный материал на финальном этапе строительства цитадели Мангупского городища в 20 – 30-е гг. XV в. Его функциональное назначение – кладбищенская церковь [Науменко, 2022, с. 181 – 185].

Церковь 1968 г. (рис. 3-4). Расположена в 165 м к югу от церкви 1967 г. Памятник впервые был открыт и частично исследован Е. В. Веймарном в 1968 г. [Веймарн, 1968, с. 28–32, табл. 36,40-42]. Новые исследования памятника проведены в 2019 г.

Церковь также спланирована на хорошо выровненной скальной площадке, ограниченной с севера водостоком. Ее общие размеры 8,00 ×8,50 м. Перепад высотных отметок в пределах площадки в направлении с востока на запад до 0,60 м. Стены храма полностью разобраны до уровня скальной поверхности [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, рис. 3]. На сегодняшний день скальные «постели» под его стены слабо различимы, поэтому восстановление плана храма носит характер реконструкции.

Храм одноконечный одноапсидный, ориентирован по оси СЗ – ЮВ, азимут 122°. Его общие размеры: внешние – 6,20×4,50 м, внутренние – 5,00×3,35 м. Апсида полукруглая, выступающая из толщи стен храма на 1,0 м. Размер радиуса: внешний – 1,60 м, внутренний – 0,97 м. Реконструируемая толщина северной, западной и южной стен в пределах 0,55-0,60 м, восточной (апсиды) – 0,65 м.

Архитектурная композиция храма состоит из алтаря, солеи и наоса. В алтарной части, на расстоянии 0,86 м от северного и 0,76 м от южного заплечиков, сохранился прямоугольный в плане паз под столб престола, расположенный фактически на границе двух литургических зон – алтаря и солеи. Предалтарная площадка имеет размеры 3,30×0,70 м. Между солеей и наосом, вероятно, располагалась алтарная преграда, от которой в скале сохранилось несколько широких прямоугольных в плане пазов, вытянутых в одну линию общими размерами 0,35×3,20 м. Наос в плане прямоугольной формы общими размерами 0,80×3,30 м. Здесь, ближе к северу, вырублены в оси храма две скальные могилы № 1 и 2. Обе гробницы имеют заплечики шириной 0,10-0,12 м и высотой до 0,05 м, с помощью которых они были перекрыты плитами в уровень пола наоса. Размеры могил: №1 – 1,75×0,50×0,45 м (прямоугольная в плане), № 2 – 1,90×0,70×0,40 м (антропоморфная в плане). Вход располагался с запада, его реконструируемая ширина – 0,90 м. Перед входом в храм имеется небольшая церковная площадка в плане трапециевидной формы, сохранившая местами скальную подтеку. Форма площадки обусловлена скальным рельефом местности.

Исходя из наличия прилегающего жилого квартала и небольшого прихрамового некрополя, функционально церковь 1968 г. определяется как один из квартальных храмов на территории Мангупского городища [Герцен и др., 2020, с. 112 – 113].

Время функционирования церкви в пределах конца XIII – конца XIV в. К началу XV в., после строительства цитадели на мысе Тешкли-бурун, она и расположенные вблизи постройки прекращают свое функционирование и полностью разбираются на строительный материал.

Церковь Св. Георгия (рис. 5). Расположена в верховьях мыса Елли-бурун, приблизительно в 10 м к югу от крутого поворота грунтовой дороги, ведущей из ущелья Капу-дере на территорию Мангупского плато. Впервые был открыт и частично исследован Р.Х. Лепером в 1912 – 1913 гг., доисследован в 2015 – 2016 гг. Объект полностью введен в научный оборот [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 56 – 108], поэтому здесь приведем лишь его краткое описание.

При строительстве церкви использовалась скальная поверхность, сочетавшая в себе естественный рельеф скалы и хорошо подтесанную плоскость дохрамового периода. Под основание стен и для их выравнивания скала слегка подтесывалась, местами подсыпался грунт. Общий перепад скальной поверхности – до 1,40 м.

Храм однефный, одноапсидный, ориентированный по оси ЮЗ – СВ, азимут 35°. Общие размеры: внешние – 9,60×6,0 м, внутренние – 7,84×4,33 м. Апсида полукруглая. Ее радиус: внешний – 2,00 м, внутренний – 1,20 м; заплечики длиной до 1,0 м, шириной до 1,20 м. Вход располагался с западной стороны. От него *in situ* сохранилась только субструкция под пороговую плиту. Толщина северной и западной стен 0,80 м, южной стены – 0,85 м, стен апсиды – до 0,94 м. Максимальная высота сохранившихся стен церкви не более 1,00 м.

Об архитектурной композиции храма сложно говорить из-за его плохой сохранности. Однако не возникает сомнений в том, что церковь сохраняла традиционные литургические зоны: алтарь и наос. Также, судя по кратким отчетам о раскопках памятника и фотографии 1912 г., интерьер храма дополняли каменная алтарная преграда и престол³, а также, предположительно, плитовая вымостка пола. Наос прямоугольный в плане, точные размеры этой литургической зоны не ясны. Общие внутренние размеры основного объема здания – 6,30×4,40 м. Внутри зафиксировано три могилы. Интерьер церкви дополнялся стеновой росписью [Июжица, 2018, с. 40 – 42].

Археологическими исследованиями установлена точная дата строительства комплекса – 20-30-е гг. XV в. Во время событий 1475 г. храм, очевидно, был разрушен. В конце XV в. церковь восстанавливается и продолжает функционировать до начала XVI в. [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 107 – 108].

Церковь 1969 г. (рис. 6). Расположена в верховьях балки Гамам-дере. Открыта в

³ Р.Х. Лепер упоминает о наличие двух престолов: основания раннего «престола на одной ножке» и более позднем престоле, который был найден перевернутым в алтарной части памятника [Лепер, 1913, с. 74–75].

ходе разведок 1969 г. Исследователи отождествляют ее с безымянным христианским храмом между церквями Св. Георгия и Св. Константина на плане русских топографов 1784 г. [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, ил. 4].

В 2019 г. сотрудниками Мангупской археологической экспедиции выполнен план церкви. Храм одноапсидный, однефный, ориентирован по оси северо-запад – юго-восток, азимут 65° . Его общие размеры: внешние – $7,5 \times 5,0$ м, внутренние – $5,90 \times 3,10$ м. Апсида полукруглая, внешний радиус до 2,0 м, внутренний – до 1,20 м. Техника кладки стен – трехслойная, двухпанцирная, на известковом растворе. Толщина северной и южной стен в пределах 0,90 м, западной и восточной – 0,80 м. Археологически не исследована. Функционально определяется как квартальная церковь.

Церковь на г. Илька (рис. 7-8). Расположена на водоразделе Адым-Чокракской, Бельбекской, Байдарской и Ай-Тодорской долин, на перекрестке грунтовых дорог, идущих к г. Кая-Баш и в с. Богатое Ущелье, приблизительно в 5 км к югу от Мангупского плато.

Церковь представляет собой однефную, одноапсидную часовню с прямоугольным наосом и выступающей с востока подковообразной в плане апсидой. Постройка ориентирована с запада на восток, с небольшим смещением в направлении северо-запад – юго-восток. Азимут 154° . Ее общие внешние размеры $5,90 \times 3,90$ м, по внутреннему обводу – $4,50 \times 2,10$ м. Ширина северо-восточного и юго-восточного заплечиков храма, соответственно 0,31 м и 0,13 м, внутренних заплечий – в пределах 0,23-0,24 м. Толщина стен наоса 0,85-0,90 м, апсиды 0,80–1,00 м; сохранность в высоту до 0,84 м. Вход шириной до 1,15 м расположен в южной стене здания. Полный архитектурно-археологический анализ храма опубликован [Науменко, Иожица, 2018, с. 170-196].

Церковь Св. Константина (рис. 9). Расположена в центральной части Мангупского городища, в непосредственной близости от верховий балки Гамам-дере, приблизительно в 100 м к западу от наивысшей точки плато.

Церковь спланирована в северном и южном направлениях на участке с сильно каррированной скальной поверхностью и гладко вытесанной скалой в центральном, восточном и частично западном направлениях. Ярko выраженной церковной площадки здесь нет.

Храм в плане одноапсидный, однефный, с прямоугольным наосом. Ориентация по оси ЮЗ – СВ, азимут 52° . Конструктивный переход от основного объема здания к апсиде проходит за счет заплечиков. Общие размеры церкви: внешние – $10,9 \times 6,1-6,3$ м, внутренние – $9,20 \times 4,33$ м. Апсида полукруглая. Радиус апсиды: внешний – 2,10 м, внутренний – 1,30 м. Заплечики длиной до 1,90 м, шириной до 0,85 м. Толщина стен храма: восточной – 0,70 м, северной, южной и восточной – 0,90 м. Сохранность их в высоту различна. Максимальная высота (до 3,30 м) наблюдается сейчас для северной стены памятника.

Вход традиционно располагается в западной стене храма. Дверной проем тра-

печиевидный в плане, общими размерами 0,90×0,1-1,35 м. Дверное полотно было двухстворчатым, створки крепились на деревянную раму, на что указывают малые квадратные отверстия, расположенные по бокам порога. Двери открывались внутрь, от этих движений в скале остались дугообразные полосы.

Общая архитектурная композиция храма традиционна. Он состоит из алтаря, солеи и наоса. Первоначально в центре апсиды церкви располагался, вероятно, престол, от которого сохранился почти квадратный паз размерами 0,45×0,45×0,22 м. К апсиде с запада примыкала скальная солея размерами 1,00×4,30 м. Во второй строительный период из-за естественного разрушения скального пола храма солея была вымощена каменными блоками прямоугольной формы и расширена в западном направлении; ее общие размеры теперь составляют 2,00×4,30 м. Расположение престола остается без изменений.

Наос в плане прямоугольной формы общими размерами 6,30×4,30 – 5,30×4,30 м. Его скальный пол расположен ниже уровня солеи на 0,21 м. Размеры первоначального наоса 6,30×4,30 м, позже он сузился до 5,30×4,30 м. В полу храма, фактически в его западной части, вырублены скальные могилы №1-3.

Объемно-планировочное решение церкви Св. Константина хорошо известно благодаря акварельной зарисовке М. Б. Вебеля [Уваров, 1853, л. LIX]. Его дополняют краткие описания путешественников и краеведов, посещавших Мангупское городище начиная с конца XVIII в. [Паллас, 1999, с. 94; Кеппен, 1837, с. 261–290; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 253–254; Тункина, 2017, с. 440]. Известно, что храм освещался через три окна (одно в апсиде и два в южной стене) (рис. 9, 1). Интерьер храма украшала стеновая роспись.

Часовня, возведенная на месте крестообразного храма (рис. 10). Храм построен на остатках разрушенного крестообразного храма, расположенного на холме Мазар-тепе. Одноапсидная, однефная часовня, ориентированная по оси ЮЗ – СВ, азимут 65°. Общие размеры 3,75×5,10 м. Радиус апсиды: внутренний 1,0 м, внешний 1,60 м. Толщина стен 0,65 м, толщина стен апсиды до 0,60 м. В полевых чертежах 1981 г. имеется чертеж часовни, в котором отображен вход в северной стене шириной до 1,0 м.

Строительная техника однефных храмов Мангуна. Большинство историков архитектуры подчеркивают стандартизацию форм культовых сооружений средневизантийского периода, считая, что возможно определить византийскую церковь, опираясь на ее устойчивые черты. Однако было бы неверно утверждать, что византийский храм был стандартен. Известно, что византийские строители применяли различные методы строительства и стандартно разработанные архитектурные формы, адаптируя их к местным особенностям, функциональным и декоративным требованиям. При проектировании здания легче и безопаснее менять детали, но не всю концепцию. Это было особенно характерно для средне- и поздневизантийского периодов, когда архитектура была занятием ремесленников, обучавшихся на строительной площадке, а не архитекторов, прошедших теоретическую подготовку и ов-

ладевших «свободными искусствами» [Оустерхаут, 2005, с. 52 – 73]. Такая адаптация полностью подтверждается анализом однефных храмов Мангупа, среди которых не наблюдается «типового» проекта [Июжица, 2023, с. 133 – 140, рис. 1,2].

Несмотря на это, среди храмов городища выявлены единые технологические принципы строительства церковных зданий, характерные для разных эпох. В ходе полевых исследований установлено, что все церкви золотоордынского периода, как однефные, так и иных типов культовые здания (церковь 2015 г., «Малая южная базилика»), были спроектированы на хорошо выровненной скальной площадке, ограниченной с востока скальным обрывом, по сторонам – водосливами и/или скальными ступенями. Практически по центру строительной площадки сооружался фундамент будущей церкви. Он был двух типов: в виде выступающих скальных оснований под стены (церковь 1967 г.) или с легкой подтеской под основания каменных стен (церковь 1968 г.). Считается, что если сооружение возводится на скальных грунтах, то для заложения подошвы его фундамента достаточно снять только верхние, сильно разрушенные слои породы [Липатов, 2006, с. 196]. Вероятно, именно состояние скалы повлияло на вариативность фундаментов храмов XIII – XIV вв.

Принципы строительства церквей феодоритского периода совершенно иные, как и технология возведения их фундаментов. При строительстве культовых зданий XVв. строительная площадка со строгими границами уже не наблюдается. Более того, для церквей, расположенных на Мангупском плато (церковь Св. Георгия, церковь Св.Константина), использовался естественный рельеф местности. Причем участок, на котором размещали общий план храма, частично или полностью сохранял следы более ранних скальных построек. Фундамент церквей устраивался под продольные стены, подошва которых выступает с одной стороны наружу. Такой прием ленточного фундамента, по мнению исследователей, можно отнести к одному из пассивных принципов сейсмозащиты. Вероятно, и поперечно расположенные деревянные балки-связи⁴ в стенах «церкви Св. Константина» играли в таком случае роль затяжек, как антисейсмическое мероприятие. В случае с церковью Св. Георгия ленточный фундамент также возводился под продольными стенами, но из-за сложного рельефа здесь он был ступенчатым, что характерно для византийской традиции [Липатов, 2006, с. 204 – 205, 232 – 248]. Для храмов, расположенных за пределами Мангупского плато, технология их возведения отличается. Фундаменты церкви на г.Илька сооружались на материковом суглинке, а основанием стен часовни на месте крестообразного храма выступала нивелировочная подсыпка из строительного мусора, перекрывшая более раннюю церковь.

Мастера, возводившие храмы на Мангупском городище, применяли инженерные знания и расчеты, ориентируясь на рельеф местности. Если обратить внимание на

⁴ В южной и северной стенах церкви Св. Константина сохранились сквозные пазы от деревянных связей, уложенные поперек толщи стен. Все пазы размером 10×10 см. Шаг пазов различный, от 1,60 до 2,30 м. В северной стене сохранилось два уровня пазов на высоте 2,5 м друг от друга.

толщину всех стен однефных церквей, то можно установить, какие из них несут большую нагрузку (табл. 1). Если проанализировать их рельеф, то становится ясной причина такого конструктивного решения. Так, общая конструктивная нагрузка церкви Св. Георгия и церкви на г. Илька распределялась вертикально на все стены одновременно, а с учетом перепада рельефа здесь в направлении с запада на восток их апсидная стена воспринимала нагрузку как вертикально, так и горизонтально, выступая в роли своеобразного контрофорса. Анализ толщины стен церкви 1969 г. показывает, что вес кровли храма распределялся на северную и южную стены, так как с большой вероятностью здание было расположено на пологом склоне балки Гамам-дере. Толщина стен основного объема церкви Св. Константина обусловлена ее высотой, где присутствуют верхние боковые оконные проемы (рис.9,3). Толщина стен церкви 1967 г. одинаковая, кроме западной стены. Возможно, на нее дополнительно опиралась кровля от навеса перед входом в храм. Конструктивно эта кровля могла крепиться в виде консоли (рис. 2,4).

На характер строительной техники сильно влияла степень доступности строительных материалов. Традиционно в византийских храмах применялись тесаный камень, кирпич и известковый связующий раствор. Часто их дополняли различные споллии, взятые из более древних зданий и сооружений.

Стены церквей XIII – XIV вв. на Мангупе не сохранились. Остались лишь их скальные фундаменты или следы скальной подтески на ширину основания под фундамент или стены. Поэтому о технике кладки и примененных строительных материалах в однефных храмах на городище и в его округе можно судить лишь по руинам церквей XV в. Для них в качестве строительного материала использовали доступный местный разноразмерный камень: для церквей на Мангупском плато – известняк, для храмов за его пределами – песчаник, аргиллит, блоки природного конгломерата и тот же известняк. Размер и форма блоков различна, как и техника их обработки. Использовались споллии, зафиксированные, например, в стенах церкви Св. Константина, где в кладке встречаются даже известняковые христианские надгробия. Они применялись как во внешних панцирях стен по углам здания, так и внутри кладки южной стены, а также в плитовой солее. Встречаются споллии и в стенах церкви Св. Георгия. Вторичный характер использования, вероятно, имели известняковые блоки, бессистемно уложенные в кладке церкви на г. Илька [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, ил. 2]. В кладках церквей Мангупа редко встречаются фрагменты строительной керамики, используемые лишь точечно и исключительно для выравнивания рядов, а не для фасадного рисунка.

Все стены рассматриваемых церквей XIV – XV вв. сложены в технике ложковой и ложково-тычковой трехслойной двухпанцирной кладки на известковом растворе. Исключение составляет церковь на г. Илька, стены которой уложены в той же технике, но на глиняном растворе. С юга к ней дополнительно пристроена кладка в технике двухслойной однопанцирной кладки на известковом связующем растворе [Науменко, Иожица, 2018, с. 171 – 176]. Для сооружения апсид храмов использова-

лись блоки полуциркульной или слегка изогнутой формы, которые, видимо, изготавливались или подгонялись на месте строительства церкви. Во время археологических исследований церкви Св. Константина собрана большая лапидарная коллекция, которая позволяет говорить о форме строительных блоков, примененных в кладке конхи апсиды. Здесь внутренний панцирь состоял из блоков прямоугольной формы размерами 50×20×50-60 см. Их лицевая сторона имела циркульное очертание, боковые стороны – ступенчатый профиль, тыльная сторона оставалась грубо обработанной или совсем без обработки. Важно отметить, что характер тески всех этих блоков различный. Лицевая поверхность сохранила следы обработки двух типов. На всех выявленных блоках неширокой (2,5-5 см) полосой по периметру фиксируются следы от мелкой зубатки, остальная поверхность, в виде прямоугольника, обработана более крупной зубаткой или долотом. По всей вероятности, такое решение обусловлено технологией, необходимой для крепления нижнего левкаса настенной росписи. Боковые и торцевая стороны блоков сохранили следы обработки от инструмента типа долото.

Известковый раствор, примененный в кладках стен всех церквей, визуально разный. Для церкви Св. Георгия в качестве наполнителя использовали речной песок. Аналогичный раствор фиксируется в стенах часовни на холме Мазар-тепе [Мыщ, 1981] и в южной стене церкви на г. Илька [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, 176, ил. 2]. В кладочный раствор церкви Св. Константина добавлялся морской песок⁵ и растительные волокна. Такие строительные растворы характерны для поздневизантийских церквей и соотносятся с группами D, E и F, встречающихся при ремонтах зданий Константинополя первой половины XIII в. [Липатов, 2006, с. 124 – 125]. Использование глиняного раствора в кладках зданий поздневизантийского времени исследователи обычно объясняют бедностью их строителей, но не общим упадком строительной культуры [Липатов, 2006, с. 127]. На ограниченность средств для возведения церкви на г. Илька, вероятно, косвенно указывает и необработанность строительных блоков, из которых был сооружен храм.

На сегодняшний день нет полного описания строительных этапов возведения здания любого назначения. В письменных источниках отсутствуют подробности строительного процесса. Несмотря на это, некоторые исследователи пришли к заключению, что при проектировании плана здания использовались модульные измерения, геометрия, в некоторых случаях простые типы квадратуры (пропорциональные соотношения, получаемые через систему геометрических фигур) [Кузнецов, 1977, с. 98; Оустерхаут, 2005, с. 52–79]. Специалисты, изучавшие вопрос пропорции храмовых строений, сформировали систему модуля, который равнялся либо толщине стены постройки [Лосицкий, 1990, с. 45, рис. 4], либо футу (римский фут равнялся 0,296 м, греческий – 0,315 м; византийский – 0,3123 м) или кратной «сто-

⁵ Просматриваются мелкие ракушки (биттиум сетчатый (*bittium seticulatum*), фрагменты, вероятно, венерки (*venus callina*)) и др.

футовой мере» [Schilbach, 1970, p. 16; Оустерхаут, 2005, с. 89; Полевой, 1973, с. 26; Chen, 1990] реже кратный части здания [Завадская, 2019, с. 233]. Также, по мнению В.П.Кирилко, длина и ширина прямоугольной в плане формы основного объема церковного здания должны соотноситься между собой в пропорции 5:3 [Кирилко, 2015, с. 38]. Однако это не соответствует действительности. Анализируя пропорции однонефных наземных храмов Мангупского городища, можно сказать, что соотношение сторон построек варьируется⁶ как в соотношении сторон основного объема здания, так и в отношении общих размеров церкви (табл. 2). Установлено, что при проектировании однонефных храмов Мангупского городища использовался исключительно византийский модуль. Так, все соотношения ширины и длины храма (вместе и без апсиды) укладываются в равное число модуля – 0,3123 см. Ширина всех храмов в пределах 12-20 модулей, длина – 16-35 модулей (рис. 11).

Архитектурно-литургический анализ. Литургический аспект истории византийской архитектуры долгое время оставался вне прямых интересов специалистов. Р.Краутхеймер неоднократно отмечал многообразие литургических приемов разных регионов, и их влияние на сложение региональных архитектурных школ [Krautheimer, 1986, p. 69, 110]. Первые попытки объяснить связь между особенностью планов и организацией интерьеров церковных построек относятся к 30 – 40 гг. XX в. [Crowfoot, 1938, p. 171; Schneider, 1949: 45 – 68; Grabar, 1943 – 46; Lassus, 1947; Guyer, 1950]. В дальнейшем существенный прогресс был достигнут в изучении литургического устройства константинопольских церквей ранневизантийского [Mathews, 1971] и средневизантийского [Mathews, 1982] времени, а также для скальных культовых объектов Каппадокии [Teteriatnikov, 1996].

Несмотря на изменения литургического процесса, основная, главная (!), осевая линия расположения литургических зон в храмах всегда остается неизменной: с востока на запад – алтарь/наос/нартекс/экзонартекс. Часто при описании раннесредневековых храмов исследователи упоминают о наличии в алтаре и наосе амвона, соли и вимы-бемы. На сегодняшний день существует терминологическая проблема относительно элементов интерьера византийской архитектуры. Ведутся дискуссии не только о точном наименовании той или иной литургической зоны или интерьерного убранства, но и их расположении, форме и функциях [см.: Mathews 1971; Orlandos, 1954, p. 535–538; Walter, 1995, p. 99 – 100; Hydis, 1947, p. 1 – 24; Иожица, 2020, с. 137 – 142].

Рассмотрим основные литургические зоны в однонефных храмах Мангупского городища.

Алтарь – наиболее значимая («святая») зона в богослужении храма. Для однонефных церквей апсида была местом наиболее важных литургических действий, поскольку здесь находился алтарь, где совершалась Евхаристия. Здесь же присутство-

⁶ Добавим, что пропорции храмов не соотносятся целыми числами и показатели округляются для приближения к пропорции, указанной в таблице 2.

вали священнослужители во время литургии. Другие обряды, такие как освящение и рукоположение в сан основных чинов духовенства (епископа, пресвитера, диакона), подчеркивали исключительное место центральной апсиды в церковных пространствах больших культовых сооружений [Marinis, 2014, p. 25 – 78]. Форма алтарного пространства храмов Мангупа в плане полукруглая или подковообразная.

В алтаре в качестве элементов литургического устройства выступали синтрон, престол и киворий. *Синтрон* (греч. - σύνθρονον) – дугообразная скамья для духовенства, традиционно примыкающая изнутри к восточной стене алтаря и идущая вдоль стены главной апсиды храма. В отдельную группу выделяются синтроны с обходом, характерный признак для крупных ранневизантийских церквей (базилик) и купольных храмов [Хрушкова, 2017а, с. 122]. В центре восточной стены алтарной апсиды храма с очень раннего времени устанавливался трон – сидение епископа, в его отсутствие на это кресло иногда помещалось Евангелие. Среди исследователей продолжается дискуссия о причинах наличия или отсутствия архиерейского кресла [Хрушкова, 2002, с. 47]. С X – XI вв. синтроны делали в одну ступень, но центральное место по-прежнему занимала стационарная архиерейская кафедра. К XIV – XV вв. стационарный синтрон вовсе исчезает. Это связано с изменением роли проповеди, которая была заменена чтением и сокращением числа священников, участвовавших в богослужении [Mathews, 1971]. По форме синтрон мог иметь множество ступеней (от 1 до 9) или же быть псевдо-синтроном, конструкция которого не предполагала сидения на нижних ступенях во время службы, и поэтому они были очень узкими. Возводились синтроны из камня, плинфы и дерева [Чукова, 2004, с. 83].

Среди однефных храмов Мангупа синтроны *in situ* не зафиксированы. Косвенным указанием на возможность их наличия в апсидах, к примеру, могут выступать пазы, расположенные вдоль внутренней линии восточной стены в церкви 1967 г. По форме такой синтрон мог быть либо одноступенчатым, либо псевдо-синтроном из-за небольшого свободного пространства в алтаре (рис. 2, 3).

Перед синтроном, традиционно по центру апсиды, располагался *престол*, один из главных и наиболее важных сакрализованных сооружений церковного интерьера. Существует множество вариантов его внешнего вида. Источники упоминают два различных типа алтарей: монолитный в «римском стиле» и в виде алтарного стола на четырех небольших колоннах [Arranz, 1996, p. 227]. Некоторые исследователи еще более подчеркивают вариативность византийских престолов [Чукова, 2004, с. 45 – 46].

В однефных храмах Мангупского городища следы от престолов *in situ* сохранились только в четырех случаях: церковь 1967 г., церковь 1968 г., церковь Св.Константина и церковь на г. Илька⁷ (рис. 12). Это подквадратной формы пазы

⁷ В Р.Х. Лепер, исследуя церковь Св. Георгия в 1912 г., упоминал о двух престолах в храме [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 27, 58 – 87], однако их детального описания не оставил.

размерами в пределах 0,2×0,15 – 0,4×0,4 м и глубиной 0,09–0,22⁸ см. Вероятно, типологически речь идет о престоле в виде стола на одной ножке-столбе (горизонтальная верхняя плита опирается на один столб), которая закреплялась в специальном углублении. В двух храмах престол располагался по центру апсиды (церковь 1967 г. и церковь Св. Константина). В церкви 1968 г. паз от престола вынесен за пределы алтаря, напротив заплечиков храма (рис. 12, 2). В церкви на г. Илька *in situ* зафиксирована нижняя плита основания алтарного престола, остальные элементы выявлены в процессе раскопок внутри культовой постройки. Уникальным является то, что здесь престол расположен почти вплотную к восточной стене апсиды [Науменко, Иожица, 2018, с. 174, 177, 180 – 183]. Начиная с раннесредневекового периода огромное значение в древней сакральной практике имело движение вокруг алтаря – циркумambuляция [Подосинов, 2009, с. 55], в то время как в церкви на г. Илька такое шествие осуществить было невозможно (рис. 12, 4). В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что это связано каким-то образом с особенностью местной литургической практики либо функциональным назначением храмового комплекса, который, как уже было сказано, являлся придорожной часовней на пересечении дорог, связывающих округу Мангупа с перевалами Главной гряды Крымских гор [Науменко, Иожица, 2018, с. 180 – 183]. Вероятно, здесь не было необходимости совершения шественных молитв, связанных с повседневной жизнью мирян (вступлением в брак, крещением, отпеванием и пр.), которые проводились в храмах на самом Мангупском плато. К примеру, обход в алтаре вокруг престола совершался обычно во время чтения молитв заупокойного богослужения [Подосинов, 2009, с. 57] и требовал наличия захоронений либо внутри храма, либо вблизи него. Археологическими исследованиями такие захоронения были выявлены только в церквях, расположенных на территории Мангупского городища.

С престолом тесно связана еще одна категория литургических устройств храмов – *киворий*. В специальных исследованиях встречаются различные термины, обозначающие этот архитектурно-литургический элемент – балдахин, циборий, сень, навес, эдикула, фастигиум, храметом и пр. Такое терминологическое разнообразие сложилось ввиду длительного использования кивория. Среди исследователей нет единого мнения в отношении его происхождения. По мнению Э. Смита, киворий заимствован в церковной и дворцовой архитектуре Византии из древнеримского зодчества. В свою очередь, в римскую архитектуру этот элемент мог попасть из Древнего Египта [Smith, 1956]. Е. Богданович видит итальянское влияние в появлении христианского кивория, прототипом которого послужил монументальный тетрастиль позднего Рима [Bogdanović, 2008]. С ней солидарен Дж. Крузен, который утверждает, что Италия является единственной страной, где киворий использовался вплоть до

⁸ «Церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.» – 9 см, «церковь Св. Константина» – 22 см, «церковь на г. Илька» – 17 см.

XIII в. [Kroesen, 2013, p. 189 – 222]. Однако Е.Е. Голубинский отмечал, что у греков киворий делался вместе с закладкой и устройством престола вплоть до начала XX в. [Голубинский, 1904, с. 170, сноска]. Отметим, что киворий также характерен и для древнерусских храмов X – начала XIII в. [Чукова, 2004, с. 76 – 82].

В письменных источниках кивории упоминаются с конца V – начала VI в. [Wessel, 1965, p. 1055], а их изображения известны уже с IV – V вв. [Красносельцев, 1879, с. 47 – 50]. Интересно отметить, что киворий часто встречается в сюжете «Причащение Апостолов» как в настенных росписях, книжных миниатюрах, так и на церковной утвари. Их временные рамки от VI в. и вплоть до XI – XIV вв. Важно подчеркнуть, что киворий изображался всегда на четырех колоннах и чаще над престолом, но с вариативным решением верхней части этой конструкции в виде сводов и многогранных пирамид. В то же время раннехристианские и византийские кивории типологически не отличались до IX в., а после X в. их литургическое назначение было переосмыслено [Bogdanović, 2008; Kroesen, 2013, p. 124; Blaauw, 2009, p. 190]. В подтверждение этому, вероятно, можно отнести появление завес в алтаре, но в разных источниках под ними подразумевают или завесу алтарного барьера, или завесу на престольного кивория [Тафт, 2010, с. 342 – 343]. Художественные изображения и упоминания в письменных источниках показывают существование алтарных завес лишь в позднейшую византийскую эпоху. Они использовались не для того, чтобы скрыть алтарь во время богослужения, а, наоборот, раскрывались во время службы и фиксировались на одной из колонн, чтобы открыть престол [Тафт, 2010, с. 361; Лидов, 2013, с. 383 – 385].

К большому сожалению, редко удается археологически зафиксировать киворий или даже его фрагменты *in situ*. Так, например, в Константинополе ни один из кивориев не сохранился полностью, лишь его фундаменты в виде четырех колонн были обнаружены в Хоре (VI в.). Невозможность выявить следы престола, вероятно, связана с тем, что киворий мог опираться на углы самого престола [Голубинский, 1904, с. 170]. Тем не менее установлено, что кивории сооружались из дерева, камня и металла [Wessel, 1965, p.1055; Красносельцев, 1879, с. 47 – 50]. Кроме традиционного расположения в интерьере церкви над престолом, его также помещали слева и/или справа у стены перед алтарем, реже над амвоном [Матвеева, 2015, с. 9 – 30; Bogdanović, 2008; Smith, 1956].

Следы, предположительно от кивория, обнаружены в алтаре церкви 1967 г., вокруг ее престола. От него сохранились основания под четыре столба в виде прямоугольных скальных пазов размерами 0,10×0,15 – 0,18×0,18 м и глубиной до 0,10 м. Общие размеры кивория составляли 0,82×0,60 м. Отметим, что основания престола расположены точно по центру кивория, несмотря на некоторое смещение контура последнего (рис. 12, 1). Отметим, что это не единственный храм Мангупского городища, в интерьере которого зафиксированы скальные пазы вокруг престола. Аналогичное расположение пазов характерны для октагональной церкви начала XVв. [Герцен, Науменко, 2010, с. 227 – 253], пещерной церкви Южного монастыря

(20–70-е гг. XV в.) [Могаричев, 1996, с. 64 – 66.], пещерной церкви на поляне Кильсес-Тубю (IX – X, XIII – XIV вв.) [Герцен, Науменко и др., 2023, с. 79 – 81].

В основном объеме храма в наосе перед алтарем-апсидой выделяется еще одна литургическая зона – *солея*. Среди исследователей до сих пор идет дискуссия о ее форме, расположении и назначении [Orlandos, 1952–1957, p. 535–538; Walter, 1995, p. 99–100; Хрушкова, 2017в, с. 78 – 80; Хрушкова, 2017б, с. 223 – 247; Marinis, 2014, p. 26 – 27]. В нашем исследовании под солеей понимается предапсидная площадка, ширина которой совпадает с шириной храма. С востока она ограничивается заплечиками апсиды, с запада – наосом.

Солея характерна только для церквей, расположенных на Мангупском плато. Она имеет два вида: скальная ступень или плитовое возвышение. Солея в церкви 1967 г. представляет собой скальную площадку размерами 0,80×3,00 м, которая возвышается над полом наоса на 0,17 м. В церкви Св. Константина предалтарная площадка сохранила следы двух строительных периодов. Первоначально здесь солея была скальной общими размерами 1,0×4,30 м и высотой в пределах 0,25–0,45 м. Позднее за счет каменных плит вымостки она была расширена до размеров 2,00×4,30 м, сохранив первоначальную высоту. В интерьере церкви 1968 г. солея выделена исключительно в виде отдельной литургической зоны, без возвышения над уровнем пола наоса (рис. 13).

Еще в раннехристианское время обязательным элементом церковного интерьера становится алтарная преграда. Для средне- и поздневизантийского периодов характерно постепенное огораживание прихожан от литургического действия и разделения богослужения. Начиная с XI в. барьер «святылица» становился все более закрытым с появлением занавесок и в конечном счете постоянно закрепленных икон [Лидов, 2013, с. 325 – 328]. В то же время, по мнению А. Эпштейн, весь средневизантийский период и даже в XIV в. темплон-преграда оставался относительно открытым. Акцент иконографической программы был на эпистилие⁹, и пространство между колонками оставалось распахнутым. Такая практика преобладала как в византийской столице, так и на подражающей ей периферии [Epstein, 1981, 1 – 27].

К сожалению, археологическими раскопками ни в одном однефном храме Мангупского городища не зафиксирована алтарная преграда или ее остатки *in situ*. Однако мы склонны считать, что алтарная преграда располагалась перед солеей, что подтверждается интерьером пещерной церкви Южного монастыря Мангупа [Могаричев, 1996, рис. 240 – 257]. К предположительному месту расположения алтарной преграды можно отнести широкие скальные пазы, выстроенные в одну линию в наосе церкви 1968 г., расположенные также перед солеей.

Общее представление о внешнем виде алтарной преграды можно получить из анализа лапидарной коллекции. Реконструкция архитектурно-конструктивного ре-

⁹ В Эпистиль (лат. epistylum, от греч. ἐπιστύλιον) – в архитектурном ордере нижняя часть антаблемента (перекрытия). Также этот элемент исследователи именуют архитрав, темплон, тябло.

17 шения алтарного барьера всегда теоретическая, включает традиционные элементы: плиты, столбы, колонны, капители и эпистиль или абаку. Из рассматриваемых памятников на городище лучше всего она просматривается на примере церкви Св.Георгия [Герцен, Науменко, Шведчикова, 2017, с. 79 – 83].

Наос центральная и самая большая часть каждой византийской церкви. Его размеры, форма и убранство отражали потребности христианского сообщества, а также было своего рода инструкцией в проводимых ритуалах. Планировка и внешний вид церкви и ее наоса на момент завершения строительства зависели от нескольких факторов. Они включали желания и задумку меценатов, бюджет, доступность строительных материалов, практику работы мастерской, декоративные соображения, а также размер и тип общины, которая будет использовать строение [Mathews, 1971, p. 117 – 125; Marinis, 2014, p. 49]. Наос почти всегда был единым пространством без разделений, обеспечивающий беспрепятственный визуальный доступ к темплону и алтарю со всех точек пространства [Mathews, 1971; Marinis, 2014, p. 49 – 63]. Существуют некоторые свидетельства особого внутреннего деления наоса, характерные только для раннехристианских константинопольских базилик. Наос средневекового периода не имел таких особенностей [Mathews, 1971, p. 125; Peschlow, 2006, p. 54–55]. Он использовался как место встречи людей и как пространство для почти непрерывной молитвы, а также для постоянной или специальной экспозиции реликвий и размещения гробниц.

Как уже отмечалось выше, все наосы однефных храмов Мангупского городища прямоугольной в плане формы. Их площадь в пределах 6,5-28,0 кв. м. Обратим внимание, что среди всех рассматриваемых однефных храмов могилы-костницы в наосе фиксируются только в церквях, расположенных на Мангупском плато (церковь 1967 г., церковь 1968 г., церквях Св. Георгия и Св. Константина), в церкви на г. Ильяка и часовне, возведенной на месте крестообразного храма, захоронения отсутствуют.

На сегодняшний день нет точных данных, объясняющих причину появления захоронений в наосах христианских храмов. Тем более что такая практика в целом противоречит своду имперских законов конца IX в., где предписывалось, что *«никто не должен хоронить умерших в святой церкви»* [Marinis, 2014, p. 60]. Несмотря на это, считалось, что погребение внутри церкви или монастыря обеспечивало защиту, особенно от расхитителей гробниц, что вызывало очевидную озабоченность [Gerstel 2011, p. 136–143], хотя это и противоречит канонам. Более того, сохранились свидетельства, что в наосе могли быть захоронения как духовенства, так и мирян [Marinis, 2014, p. 59].

Могилы в наосе зафиксированы в Мангупских церквях как золотоордынского, так и феодоритского периодов в истории городища. Фактически почти все они были вырублены в скале. Исключением являются могилы в церкви Св. Георгия, которые конструктивно имели каменную обкладку. Расположение могил в наосах храмов бессистемно, и закономерностей в их размещении пока не выявлено.

Нартекс располагался непосредственно перед главным входом в храм и выпол-

нял в различное время ряд функций [Тафт, 2005, с. 40, 41; Marinis, 2014, р. 64]. Он был стандартным элементом константинопольских церквей на протяжении позднеантичного и средневекового периодов. План и конструкция нартекса различны. Он мог иметь вид узкого закрытого вестибюля, равного по ширине наосу или в целом храму. Некоторые формы нартекса обусловлены сложившейся градостроительной ситуацией [Marinis, 2014, р. 64 – 65]. Одной из широко распространенных и постоянных функций нартекса на протяжении всего средне- и поздневизантийского периодов было место для захоронений. Второстепенными функциями являлось проведение множества ежедневных служб или их частей [Marinis, 2009, р. 147 – 166; Marinis, 2010, р. 284 – 302].

В культовых христианских храмах Мангупа зафиксированы только два типа нартекса: в виде закрытого вестибюля (Большая базилика, VI – XV вв.) или в виде внешнего открытого портика подквадратной формы, крыша которого опиралась на колонны (церковь 2015 г., октагон). В однефных церквях Мангупского городища конструктивно выраженного нартекса нет ни в одном случае.

Общие выводы. В результате проведенного исследования следует заключить, что при возведении однефных наземных храмов Мангупского городища их строители использовали не столько местные провинциальные строительные приемы, сколько общепринятую и достаточно вариативную технологию возведения культовых объектов, хорошо известную по всей территории Византийской империи. Этот факт еще раз подчеркивает общий провинциально-византийский характер материальной культуры Мангупа-Феодоро в XIV – XV вв., несмотря на всю сложную политическую ситуацию в регионе в это время.

Анализ архитектурно-конструктивных и архитектурно-литургических особенностей однефных храмов Мангупа позволяет сделать еще один важный вывод: форма храма не определяет литургическую практику. Общий тип церкви и единая ось литургических зон (разных форм и размеров), но различные литургические процессы, иногда требующие наличия дополнительных церковных атрибутов. Так, говоря об экстерьерах однефных церквей, стоит обратить внимание на принципиальное различие для храмов золотоордынского периода – наличие в них церковной площадки (нартекса?), которая могла использоваться в различных вариантах богослужения: в качестве места для захоронений; местонахождения прихожан, не имеющих право на посещение церкви, но допущенных к проповеди; или предположительно для совершения «шественных» и иных молитв. Причем отмечаем, что наличие захоронений перед входом в храм или в другой части культового комплекса в принципе не является препятствием для проведения литургических процедур на этом месте.

Интерьеры церквей XIV в. на Мангупском плато ничем не отличаются от церквей XV в., за исключением некоторых литургических устройств: синтрона и кивория. Обратим внимание, что эти устройства встречаются в интерьерах и многих других разновременных храмовых комплексов городища – Большой базилики, центральных храмов Южного и Северного пещерных монастырей, октагона, а также за его преде-

лами в пещерной церкви на поляне Кильсе-Тубю и в так называемой «Каралезской базилике». Определенная зависимость между особенностями литургической практики и композицией культового сооружения просматривается только в церкви на г.Илька, но здесь она была обусловлена, скорее всего, функциональным назначением храма, который выполнял роль придорожной часовни, не предназначенной для проведения пышных и многолюдных церемоний или повседневных обрядов.

Наконец, следует обратить внимание на значительную разницу местоположения однефных храмов Мангупа в золотоордынский и феодоритский периоды истории крепости. Если первые в основном были сосредоточены в юго-восточной части Мангупского плато, то более поздние церкви тяготеют уже к верховьям балок Гамам-дере и Капу-дере, куда к этому времени сместилась жилая застройка крепости, либо расположены в округе памятника, где активно, после длительного перерыва, функционирует система новых поселений и дорожных коммуникаций. Все эти топографические изменения на самом деле не случайны и являются важнейшим свидетельством разных градостроительных принципов, использованных в планировке города XIV и XV вв., разделенных между собой военной катастрофой начала 1390-х гг., о чем уже говорилось в литературе на примере эволюции сакральной топографии Мангупского городища [Науменко, Герцен, Иожица, 2021, с. 267]. Однако детализация этих наблюдений является задачей специального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Веймарн Е.В. Мангуп. Разведки оборонительных стен и некрополь // МИА. 1953. № 34.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И., Навиков С. А., Голев С. А., Петрова Д. А. Исследования Мангупского городища в 2022 году. // ИАКр. Вып. XIX. Сборник кратких сообщений по итогам полевого археологического сезона 2022 года на Крымском полуострове. Симферополь, 2023. 356 с., ил. С. 76 – 93.
- Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К., Иожица Д. В., Набоков А. И. Раскопки Мангупского городища: дворец, «церковь 1968 г.», Алмалыкский могильник // ИАКр. Вып. XIII. Материалы научно-практической конференции по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвящённой 100-летию академической археологии России. Симферополь. 2020. С. 111 – 128.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): М. ; СПб., 2017. 272 с., ил.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. Т. 53: архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. СПб. 2010. 498 с. ил., XXIV с. цв. вкл.
- Голубинский Е. 1904. История Русской церкви. М. Т. 1. Ч. 2.
- Завадская И. А. О методах проектирования ранневизантийских базилик Херсонеса // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 9. СПб. 2019. С. 233–243.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению

- и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь: Бизнес-Информ. 2009. 328 с.
- Иожица Д. В. «Наземные однефные храмы Мангупского городища» // Материалы научной конференции ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XV Международный Византийский семинар. Симферополь. 2023. С. 133 – 140.
- Иожица Д. В. Византийская базилика и ее архитектурные компоненты. Некоторые проблемы современной историографии // Материалы научной конференции ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XII Международный Византийский семинар. Симферополь. 2020. С. 137 – 142.
- Иожица Д. В. Новые материалы к изучению стеновой живописи Мангупского городища: фреска церкви св. Георгия // Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения». 2018. С. 40 – 42.
- Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Императорская Академия наук. 1837. 409 с.
- Кирилко В. П. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы // Археологический альманах. №. 32. Киев. 2015.
- Красносельцев Н. Ф. Расположение и убранство древнехристианских храмов // Православный собеседник. Второе полугодие. 1879. С. 3 – 60.
- Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе. 1977. 176 с., 18 л. ил.
- Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. Вып. 47. 1913. С. 73–79; 146–154.
- Лидов А. М. Происхождение иконостаса // Иконы. Мир святых образов в Византии и на Руси М.: Феория, 2013. 406 с.: ил.
- Липатов А. А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты : строительные растворы, стены, фундаменты: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 СПб., 2006 304 с. РГБ ОД, 61:06-7/542.
- Лосицкий Ю. Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія, №2, 1990. с. 33 – 45.
- Матвеева Ю. Г. Ранневизантийский алтарный киворий: истоки, прототипы, реальное сооружение и иконографический символ // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2015. Вып. 2 (18). С. 9–30.
- Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь. 1997. 384 с.
- Мыц В. Л. Загородный храм и некрополь Мангупа // АДСВ. 1984, Вып. 21. С. 57 – 66.
- Мыц В. Л. Отчет о раскопках крестообразного храма на южном склоне г. Мангуп в 1981 г.// НА ИАКр РАН. Ф1. Оп.1. 1982. Д1.
- Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 255 – 281.
- Науменко В. Е., Иожица (Корзюк) Д. В. Церковь на горе Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // ВВИА. Вып. 10. М.; СПб. 2018. С. 170 – 196.
- Науменко В. Е. «Церковь 1967 года» – малоизвестный храмово-погребальный комплекс Мангупского городища. Проблемы датировки и назначения // Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы X Международной научной конференции по церковной археологии, посвященной 160-летию Д. В. Айналова. Симферополь. 2022. С. 181 – 189.

- Оустерхаут Р. Византийские строители / пер. Л.А. Беляев, Г.Ю. Ивакин. Киев-М., 2005, 332 с.
- Партина А.С. Архитектурные термины: Иллюстрированный словарь. М., 2001, 208 с.:ил.
- Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. 1999. 246 с.
- Подосинов А.В. Литургическое движение в сакральном пространстве: об античных истоках восточно-христианской обрядности // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М. 2009. С. 50 – 65.
- Полевой В.М. Искусство Греции. Средние века. М. 1973. 352 с.
- Тафт Р. Ф. Статьи. Т. 1. [пер. с англ. С. В. Голованова]. Омск. 2010. 480 с.
- Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк. СПб. 2005. 160 с.
- Тункина И.В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е.Е. Кёлера 1821 г. // МАИЭТ. Вып. XXII. С. 433–447.
- Уваров А.С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко. 1910. С. 7–15.
- Хрушкова Л. Г. Солея в христианском храме: Запад, Восток, Крым // Материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича / Ред.-сост. В.В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2017в. С. 78 – 80.
- Хрушкова Л.Г. Что такое солея: об одной долгой и незавершенной дискуссии // ВВ. Т.101. 2017б. С. 223 – 247.
- Хрушкова Л.Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. Вып. XXII. 2017а. С. 107 – 138.
- Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII века). М. 2002. 500 с.
- Чукова Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб. 2004. 224 с.
- Arranz M. L'Euclologio constantinopolitano agli inizi del secolo XI. Hagiasmatarion & Archieratikon (Rituale & Pontii cale) con l'aggiunta del Leitourgikon (Messale). Rome. 1996.
- Blaauw, S. L. de. Arnolfo's high altar ciboria and Roman liturgical traditions // Arnolfo's Moment. Acts of an International Conference / eds. D. Friedman, J. Gardner, M. Haines. Florence, 2009. P. 123–140.
- Bogdanović J. Canopies: The Framing of Sacred Space in the Byzantine Ecclesiastical Tradition. PhD dissertation. Princeton, 2008.
- Chen D. On Planning of Synagogues and Churches in Palaestina: A Comparison with Syria and Illyricum // Christian Archaeology in the Holy Land. New Discoveries / Ed. G. C. Bottini, L. Di Segni, E. Alliata. Jerusalem. 1990. P. 523–533.
- Crowfoot J. W. The Christian churches // Gerasa: city of Decapolis: An account embodying the record of a joint excavation conducted by Yale university and the British school of archeology in Jerusalem (1928-3).
- Epstein A.W. The Middle Byzantine Sanctuary Barrier: Templon or Iconostasis? // Journal of the British Archeological Association. 1981. Vol. CXXXIV. P. 1–27.
- Gerstel S. The Chora Parekklesion, the Hope for a Peaceful Afterlife, and Monastic Devotional Practices // Klein, Ousterhout, and Pitarakis. 2011. P. 129–145.
- Grabar A. Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. II vols. Paris, 1947, 402 p.

- Guyer S. Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst: Beiträge zu der vom antiken Tempel zur kreuzförmigen Basilika des abendländischen Mittelalters führenden Entwicklung. Einsiedeln and Zurich, Switzerland: benziger Verlag. 1950. p. 199.
- Krautheimer R. Early Christian architecture. 4th edition with Sl. Curcic, 1986.
- Kroesen J. Ciborios y baldaquinos en iglesias medievales. Un panorama Europeo // Codex Aquilarensis. 2013. Vol. 29. P. 189–222.
- Lassus J. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Essai sur la genèse, la forme et l'usage liturgique des édifices du culte chrétien, en Syrie, du IIIe siècle à la conquête musulmane. Paris, 1947.
- Marinis V. Architecture and Ritual in the Churches of Constantinople: Ninth to Fifteenth Centuries. Cambridge University Press, 2014. Pp. xvii, 243.
- Marinis V. Dei ning Liturgical Space in Byzantium. // Stephenson. 2010. P. 284–302.
- Marinis V. Tombs and Burials in the Monastery tou Libos in Constantinople. // DOP. 2009. V.63. P. 147 – 166.
- Marinis A. Structure, Agency, Ritual, and the Byzantine Church. // Architecture of the Sacred: Space, Ritual, and Experience from Classical Greece to Byzantium. Camb. 2012. P. 338–364.
- Mathews T. F. Private liturgy in Byzantine architecture Towards a re-appraisal // DOP. 1982. V. 30. P. 125 – 138.
- Mathews T. F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy, University Park and London, 1971
- Orlandos A. Η ξυλόστεγος παλαιοχριστιανική βασιλική τῆς Μεσογειακῆς λεκάνης. Athens 1954.
- Peschlow Urs. Der mittelbyzantinische Ambo aus arch ä ologischer Sicht. Thymiana 1. 1994. P. 255 – 260.
- Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München 1970. 291 S.
- Schneider A. M. Liturgie und Kirchenbau in Syrien // nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Gottinge.
- Smith E. B. Architectural Symbolism in Ancient Rome and the Middle Ages. Princeton. 1956. 219 p.
- Teteriatnikov N. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. OCA 252, PIO 1996.
- Walter C. The Byzantine Sanctuary: A Word List. // Литургия, архитектура и искусство византийского мира. Труды XVIII Международного конгресса византистов (Москва, 8–15 августа 1991) и другие материалы, посвященные памяти о. Иоанна Мейендорфа / Под ред. К.К. Акентьева. СПб. 1995. P. 95–106.
- Wessel K. Altar // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1963. S. 111 – 120.
- Xydis S. G. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sofia // The Art Bulletin. 1947. 29, 1. P. 1–24.

REFERENCES

- Veimarn E.V. Mangup. Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropol' *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. 1953. № 34.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gantsev V. K., Iozhitsa D. V., Nabokov A. I., Novikov S. A., Golev S. A., Petrova D. A. Issledovaniia mangupskogo gorodishcha v 2022 god

- Istoriia i arkhologiiia Kryma*. Vyp. XIX. Sbornik kratkikh soobshchenii po itogam polevogo arkhelogicheskogo sezona 2022 goda na Krymskom poluostrove. Simferopol', 2023. 356 s., il. S. 76 – 93.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Gantsev V. K., Iozhitsa D. V., Nabokov A.I. Raskopki Mangupskogo gorodishcha: dvorets, «tserkov' 1968 g.», Almalykskii mogil'nik. *Istoriia i arkhologiiia Kryma*. Vyp. XIII. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii po itogam polevogo arkhelogicheskogo sezona 2019 goda na Krymskom poluostrove, posviashchennoi 100-letiiu akademicheskoi arkhologii Rossii. Simferopol'. 2020. S. 111 – 128.
- Gertsen A.G., Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi Mangupa. Simferopol'. 1996. 128 s.
- Gertsen A.G., Naumenko V.E. Oktagonāl'naia tserkov' tsitadeli Mangupa (Krym): voprosy khronologii i arkhitekturnoi kompozitsii. *Trudy gosudarstvennogo Ermitazha*. T. 53: arkhitektura Vizantii i drevnei Rusi IX–XII vv. SPb. 2010. 498 s. il., XXIV s. tsv. vkl.
- Gertsen A.G., Naumenko V.E., Shvedchikova T.Iu. Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkhelogo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.). M.; SPb.: Nestor-Istoriia, 2017. 272 s.
- Golubinskii E. 1904. Istoriia Russkoi Tserkvi. M. T. 1. Ch. 2.
- Zavadskaiia I. A. O metodakh proektirovaniia rannevizantiiskikh bazilik Khersonesa. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statei*. Vyp. 9. SPb. 2019. S. 233–243.
- Djubua de Monpere F. Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abhazam, v Gruziju, Armeniju i v Krym. V 6 tomah. Parizh, 1843. T. 5, 6. Simferopol': Biznes-Inform. 2009. 328 s.
- Iozhitsa D. V. «Nazemnye odnonefnye khramy Mangupskogo gorodishcha». *Materialy nauchnoi konferentsii ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XV Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*. Simferopol'. 2023. S. 133 – 140.
- Iozhitsa D. V. Vizantiiskaia bazilika i ee arkhitekturnye komponenty. Nekotorye problemy sovremennoi istoriografii. *Materialy nauchnoi konferentsii ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis. XII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii Seminar*. Simferopol'. 2020. S. 137 – 142
- Kirilko V.P. Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovyi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy. *Arkheologicheskii al'manakh*. №.32. Kiev. 2015.
- Iozhica D.V. Novye materialy k izucheniju stenovoj zhivopisi Mangupskogo gorodishha: freska cerkvi sv. Georgija // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «III Svjato-Vladimirskie chtenija». 2018. S. 40 – 42.
- Keppen P.I. O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh. SPb.: Imperatorskaja Akademija nauk. 1837. 409 s.
- Kirilko V. P. Drevnosti Semidvor'ja I. Srednevekovyj dvukhapsidnyj hram v urochishhe Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy // Arheologicheskij al'manah. №. 32. Kiev. 2015.
- Krasnosel'tsev N. F. Raspolozhenie i ubranstvo drevnekhristsianskikh khramov. *Pravoslavnyi sobesednik*. Vtoroe polugodie. 1879. S. 3 – 60.
- Kuznetsov V. A. Zodchestvo feodal'noi Alanii. Ordzhonikidze. 1977. 176 s., 18 l. il.
- Leper R.H. Arheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. // *Izvestija Imperatorskoj Arheologicheskoi komissii*. Vyp. 47. 1913. S. 73–79; 146–154.
- Lidov A.M. Proiskhozhdenie ikonostasa. *Ikony. Mir sviatykh obrazov v Vizantii i na Rusi* M.: Feoriia, 2013. 406 s.: il.
- Lipatov A. A. Vizantiiskie traditsii v stroitel'nom proizvodstve Drevnei Rusi: stroitel'nye

- rastvory, steny, fundamenty: stroitel'nye rastvory, steny, fundamenty: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06 SPb., 2006 304 s. RGB OD, 61:06-7/542.
- Lositskii Iu.G. Do pitannia tipologichnoi evoliutsii monumental'noi arkhitekturi seredn'ovichnogo Krimu. *Arkheologiya*, №2, 1990. S. 33 – 45.
- Matveeva Iu. G. Rannevizantiiskii altarnyi kivorii: istoki, prototipy, real'noe sooruzhenie i ikonograficheskii simvol. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 2015. Vyp. 2 (18). S. 9–30.
- Mogarichev Iu.M. Peshchernye tserkvi Tavriki. Simferopol'. 1997. 384 s.
- Myts V. L. Zagorodnyi khram i nekropol' Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*. 1984, Vyp. 21. S. 57-66.
- Myts V.L. Otchet o raskopkakh krestoobraznogo khrama na iuzhnom sklone g. Mangup v 1981 g. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma Rossiiskoi akademii nauk*. Fond 1. Opis' 1. 1982. Delo 1.
- Naumenko V.E., Gertsen A.G., Iozhitsa D.V. Khristianskii Mangup. Sovremennaiia istochnikovaia baza i osnovnye etapy istorii. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 2021. Vyp. XXVI. S. 255 – 281.
- Naumenko V.E., Iozhitsa (Korziuk) D. V. Tserkov' na gore Il'ka v okruge Mangupskogo gorodishcha (Iugo-Zapadniy Krym). Arkhitekturnyi analiz i ob»emnaia rekonstruktsiia pamiatnika. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*. Vyp. 10. M.; SPb. 2018. S. 170 – 196.
- Naumenko V.E.«Tserkov' 1967 goda»–maloizvestnyikhramovo-pogrebal'nyi kompleks Mangupskogo gorodishcha. Problemy datirovki i naznacheniia. *Khristianstvo v arkheologicheskikh i pis'mennykh istochnikakh: Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po tserkovnoi arkheologii, posviashchennoi 160-letiiu D. V. Ainalova*. Simferopol'. 2022. S. 181 – 189.
- Nef. [Elektronnyi resurs] <https://www.pravenc.ru/text/2565166.html> // Pravoslavnaia entsiklopediia
- Ousterkhaut R. Vizantiiskie stroiteli / per. L.A. Beliaev, G.Iu. Ivakin. Kiev-M., 2005, 332 s.
- Partina A.S. Arkhitekturnye terminy: Illiustativnyi slovar'. M., 2001, 208 s.:il.
- Pallas P.S. Nabljudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po juzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah. M. 1999. 246 s.
- Podosinov A.V. Liturgicheskoe dvizhenie v sakral'nom prostranstve: ob antichnykh istokakh vostochno-khristianskoi obriadnosti. *Ierotopiia. Sravnitel'nye issledovaniia sakral'nykh prostranstv*. M. 2009. S. 50 – 65.
- Polevoi V.M. Iskusstvo Gretsii. Srednie veka. M. 1973. 352 s.
- Taft R. F Stat'i. T. 1. [per. s angl. S. V. Golovanova]. Omsk. 2010. 480 s.
- Taft R. F. Vizantiiskii tserkovnyi obriad. Kratkii ocherk. SPb. 2005. 160 s.
- Tunkina I.V. Maloizvestnye stranicy istorii izuchenija Mangupa: akademicheskaja jekspeditsiia E.E.Kjolera 1821 g. Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii. Vyp. XXII. S. 433–447.
- Uvarov A.S. Komandirovka grafa na issledovanie juzhnykh gubernij. Uvarov A.S. Sbornik melkih trudov. T. III. Materialy dlja biografii i stat'i po teorii arheologii. M.: Tipografija G. Lissnera i D. Sobko. 1910. S. 7–15.
- Khrushkova L. G. Soleia v khristianskom khrame: Zapad, Vostok, Krym. *Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha* / Red.-sost. V.V.Maiko, T. Iu. Iashaeva. Sevastopol', 2017v. S. 78 – 80.
- Khrushkova L.G. Chto takoe soleia: ob odnoi dolgoi i nezavershennoi diskussii. *Vizantiiskii vremennik*. T.101. 2017b. S. 223 – 247.

- Khrushkova L.G. К дискуссии о времени строител'ства Мангупской базилики. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Вып. XXII. 2017a. S. 107 – 138.
- Khrushkova L.G. Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia, (IV – VII veka). М. 2002. 500 s.
- Chukova T. A. Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X – pervoi treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym. SPb. 2004. 224 s.

Резюме

Христианская архитектура Мангупского городища представлена 25 церквями. Большая часть из них представлена простым типом культового сооружения – одноапсидным однонефным храмом. Среди всех наземных однонефных храмов, расположенных на территории Мангупского городища, выделяются только 7 храмов с хорошо сохранившейся планировочной структурой. Эти храмы укладываются в два исторических периода христианского Мангупа: золотоордынский (конец XIII – около 1395 г.) – «церковь 1967 г.» и «церковь 1968 г.», феодоритский (около 1400 – 1475 гг.) – три церкви на плато (церковь Св. Георгия, церковь Св. Константина, «церковь 1969 г.») и две в округи городища (церковь на г. Илька и «часовня») на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе.

При возведении храмов применялись традиционные византийские строительные принципы, которые приспособляли хорошо известные строительные формы зданий под существующий рельеф местности. Несмотря на это, анализ архитектурно-конструктивных и архитектурно-литургических особенностей однонефных храмов показывает совершенно иную идеологию, основной вывод которой – форма храма не определяет форму литургии. Один тип церкви, единая ось литургических зон (разных форм и размеров), но различные литургические процессы, иногда требующие наличие дополнительных церковных атрибутов. Немаловажным выводом исследования является выявление градостроительной закономерности, при которой храмы золотоордынского периода расположены вдоль южного обрыва плато, а храмы феодоритского периода – внутри кварталов города.

Ключевые слова: однонефный храм, зальный храм, Мангуп, византийский фут, византийский модуль, архитектурная композиция, фундамент, принципы строительства, алтарь, киворий, престол, содея, наос, нартекс.

Summary

The Christian architecture of the Mangup settlement is represented by 25 churches. Most of them are represented by a simple type of religious building – a one-apse single-nave church. Among all the ground-based single-nave churches located on the territory of the Mangupsky settlement, only 7 churches stand out with a well-preserved planning structure. These buildings fit into two historical periods of the Christian Mangup: the Golden Horde (late XIII – about 1395) – «the church of 1967» and «the church of 1968», the Feodorite (about 1400 – 1475) – three churches on the plateau (St. George's Church, St. George's Church Constantine, «the church of 1969») and two in the vicinity of the settlement (the church on the Ilka and the «chapel» on the site of an earlier cruciform temple on the top of the Mazar Tepe hill).

During the construction of the churches, traditional Byzantine building principles were applied, which adapted the well-known building forms of buildings to the existing terrain. Despite this, an analysis of the architectural and structural and architectural-liturgical features of single-nave churches shows a completely different ideology, the main conclusion of which is that the shape of

the church does not determine the form of the liturgy. One type of church, a single axis of liturgical zones (of different shapes and sizes), but different liturgical processes, sometimes requiring additional church attributes. An important conclusion of the study is the identification of an urban planning pattern in which the churches of the Golden Horde period are located along the southern cliff of the plateau, and the temples of the Feodorite period are located inside the city blocks.

Key words: single-nave church, hall church, Mangup, Byzantine pound, Byzantine module, architectural composition, foundation, principles of construction, altar, ciborium, throne, solea, naos, narthex.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иожица Дарья Васильевна, м.н.с.
Отдела средневековой археологии
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»,
Республика Крым, город Симферополь,
пр-кт Академика Вернадского, д. 2.
arhi-arhi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iozhitsa Darya Vasilyevna, M.Sc.
of the Department of Medieval
Archaeology Institute of Archeology
of the Crimea of the
Russian Academy of Sciences,
Republic of Crimea, Simferopol,
Academician Vernadsky Ave., 2.
arhi-arhi@mail.ru

№ п/п	Наименование	Дата	Толщина стен (м)			
			С	З	Ю	В
1	«Церковь 1967 г.»	XIII-XIV	0,70	1,0	0,70	0,70
2	«Церковь 1968 г.»	XIII-XIV	≈0,5	≈0,55	≈0,65	≈0,65
3	«Церковь 1969 г.»	XIV-XV	0,95	0,80	0,95	0,80
4	Церковь Св. Георгия	XIV-XV	0,80	0,80	0,85	0,94
5	Церковь Св. Константина	XIV-XVI	0,90	0,90	0,90	0,70
6	«Часовня» на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе	XIV-XV	0,65	0,65	0,65	0,60
7	Церковь на г. Илька	XIV-XV	0,85	0,85	0,80	0,90

Табл. 1. Однефные храмы Мангупского городища и его округи. Конструктивные особенности.

№ п/п	Наименование	Дата	Общие размеры (внешние с апсидой)	Модули	Общие размеры (внешние без апсиды)	Модули	Пропорция	
							С апсидой	Без апсиды
1	«Церковь 1967 г.»	XIII-XIV	8,00×4,50	15×26	6,20×4,50	15×19	5:3	5:4
2	«Церковь 1968 г.»	XIII-XIV	6,20×4,50	14×20	5,00×4,50	14×16	4:3	1:1
3	«Церковь 1969 г.»	XIV-XV	7,5×5,0	16×24	5,50×5,0	16×18	4:3	1:1
4	Церковь Св. Георгия	XIV-XV	9,60×6,0	19×31	8,30×6,0	19×27	5:3	5:4
5	Церковь Св. Константина	XIV-XVI	10,9×6,1-6,3	20×35	9,20×6,1-6,3	20×29	4:2	4:1,5
6	«Часовня» на месте более раннего крестообразного храма на вершине холма Мазар-тепе	XIV-XV	5,10×3,75	12×17	3,50×3,75	12×10	4:3	1:1
7	Церковь на г. Ильяка	XIV-XV	5,90×3,90	14×20	4,6×3,90	14×14	3:2	3:2

Табл. 2. Однонефные храмы Мангулского городища и его округи. Пропорции.

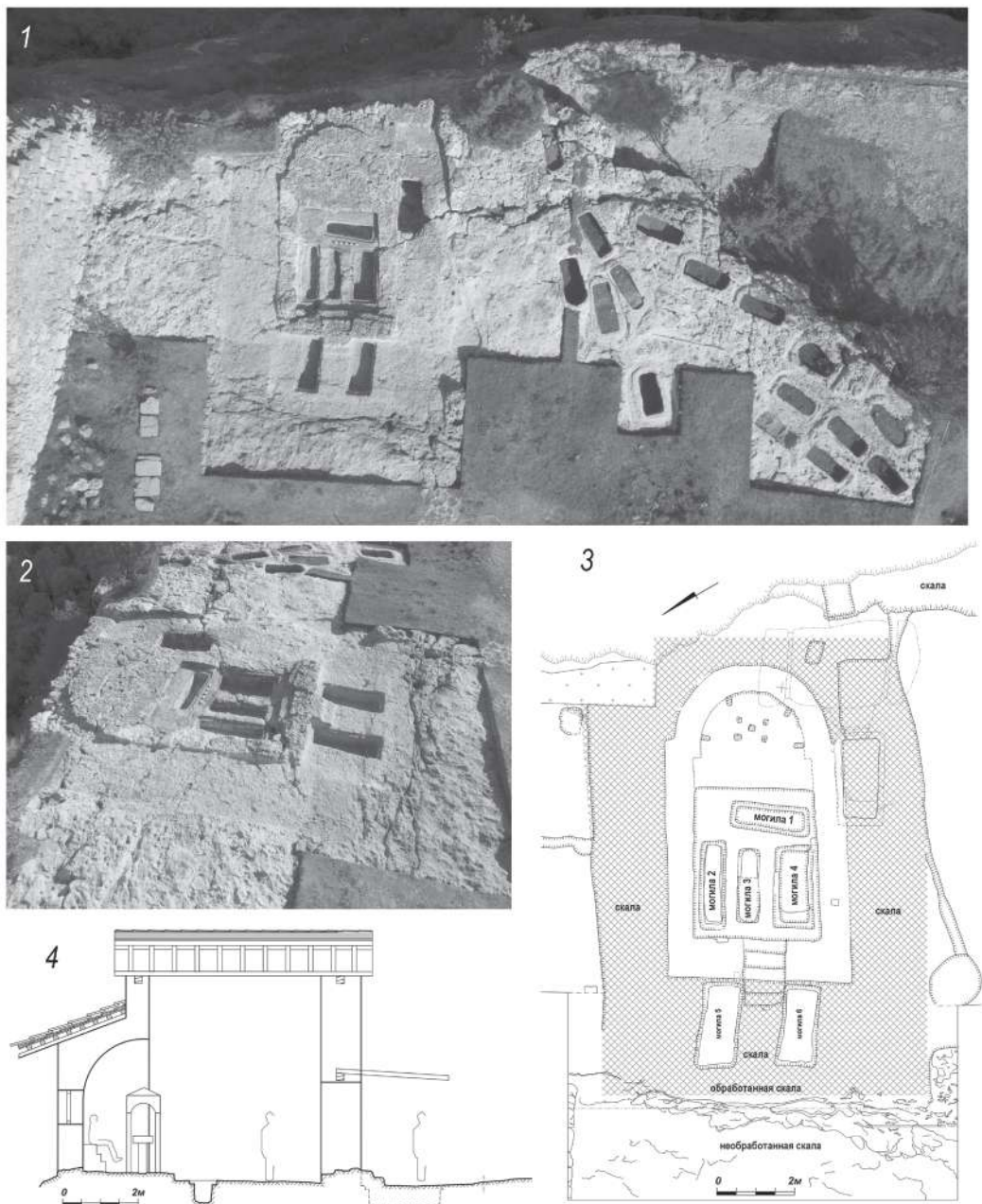

Рис. 2. «Церковь 1967 г.»: 1 – ортофотоплан (фото А.А. Душенко); 2 – общий вид с севера (фото В.Е. Науменко); 3 – план церкви; 4 – разрез-реконструкция.

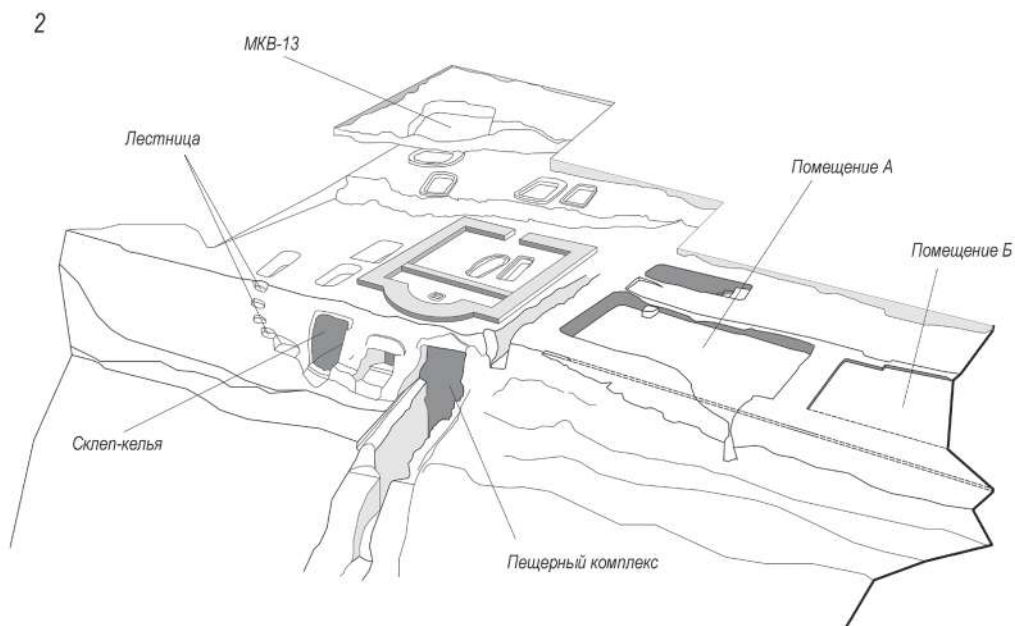

Рис. 3. «Церковь 1968 г.»: 1 – фото общего вида комплекса (фото А.А. Душенко);
2 – схема общего вида комплекса.

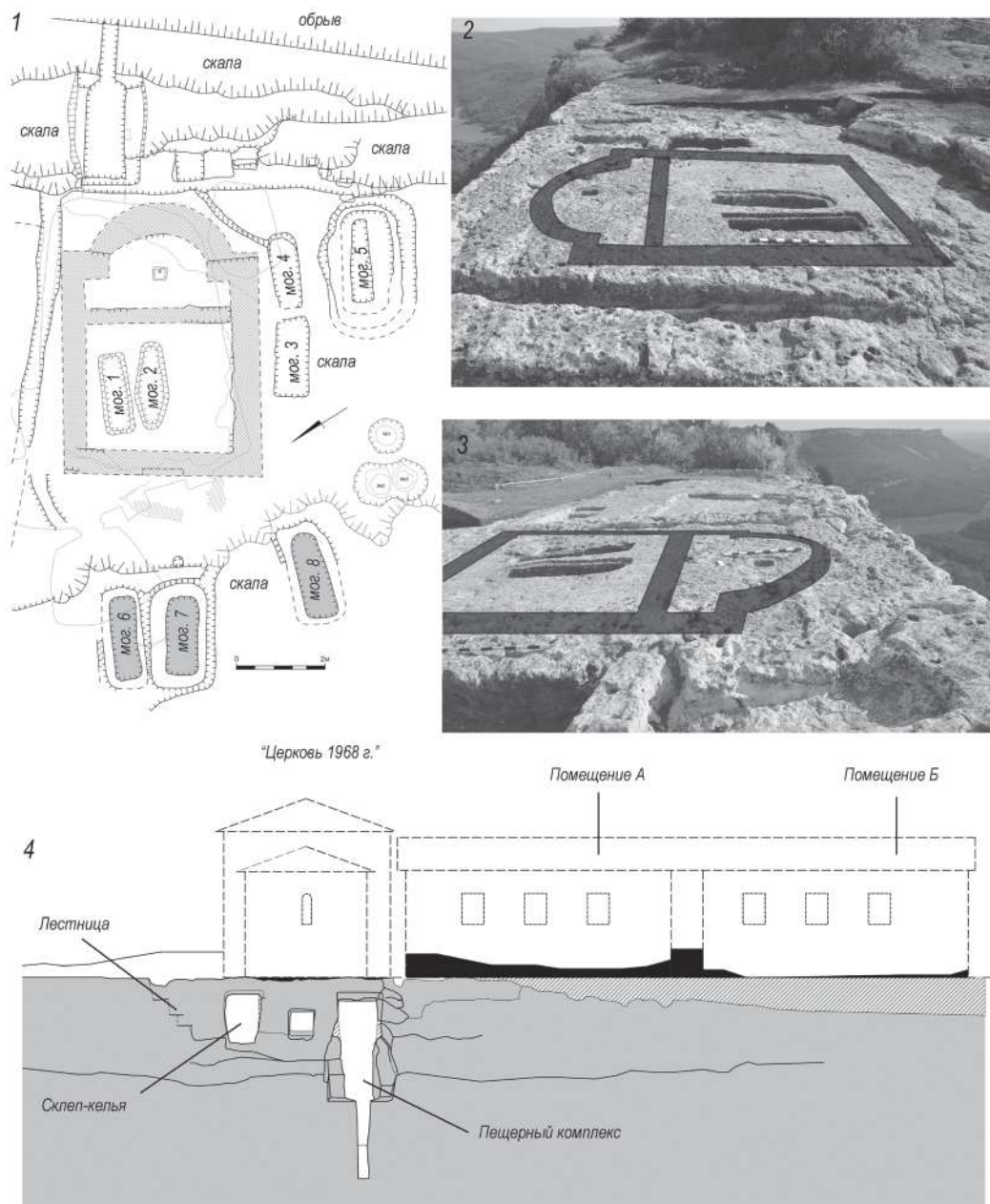

Рис. 4. «Церковь 1968 г.»: 1 – план; 2,3 – фото храма с севера и юга (черным отмечен контур церкви по стальным основаниям); 4 – реконструкция южного фасада храмового комплекса.

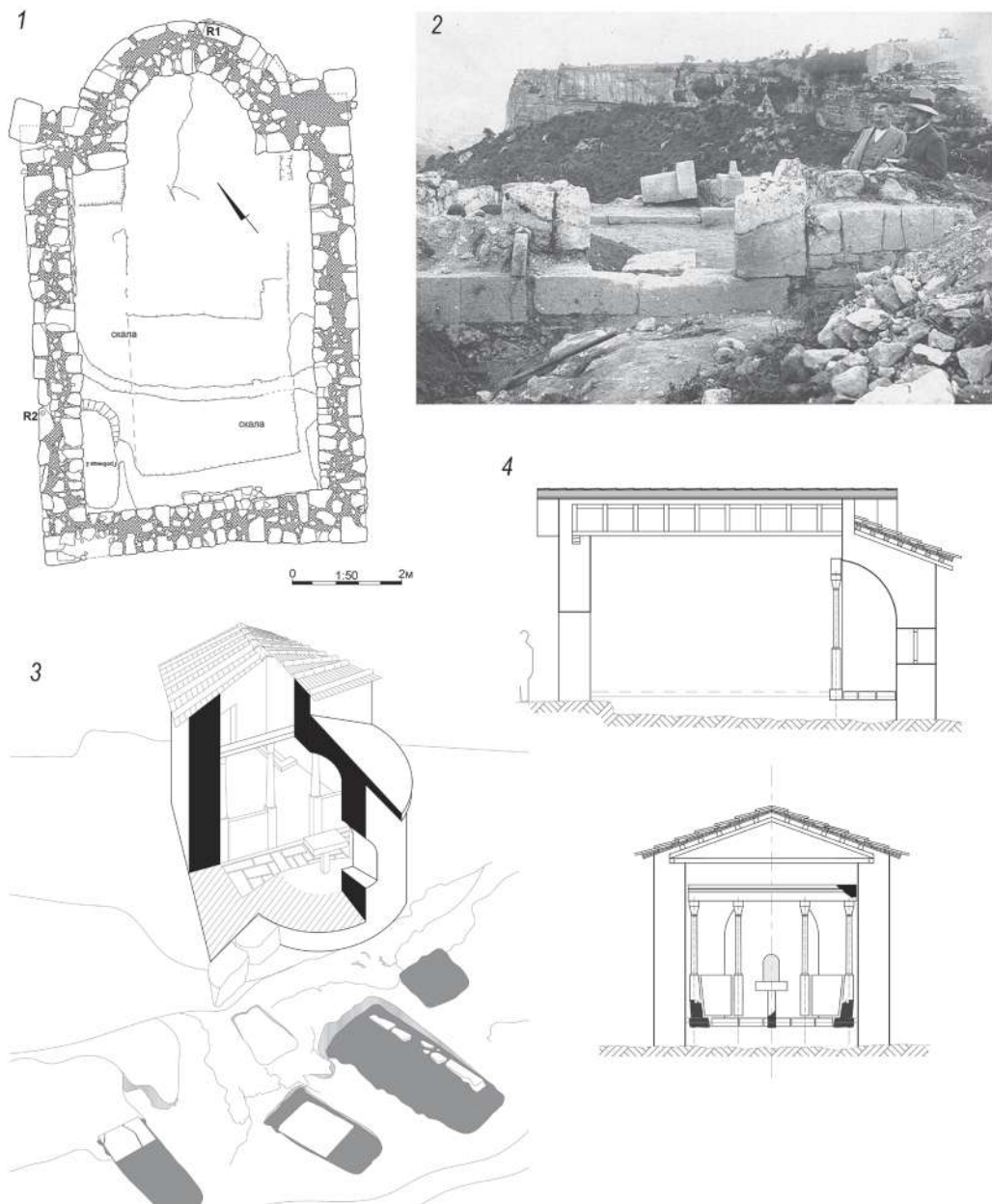
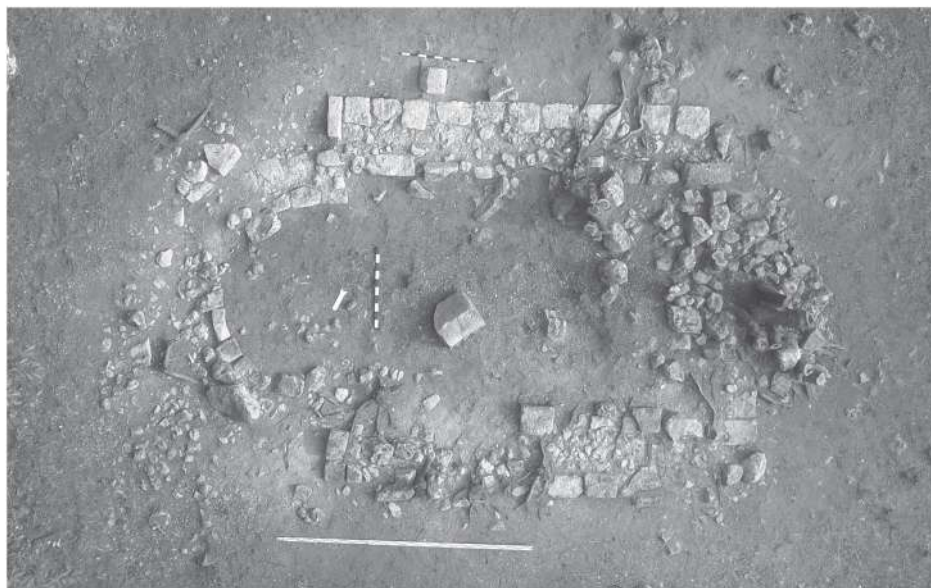

Рис. 5. «Церковь Св. Георгия»: 1 – план; 2 – фото раскопок церкви Р.Х. Лепером; 3 – реконструкция церкви; 4 – продольный и поперечный разрезы.

1

2

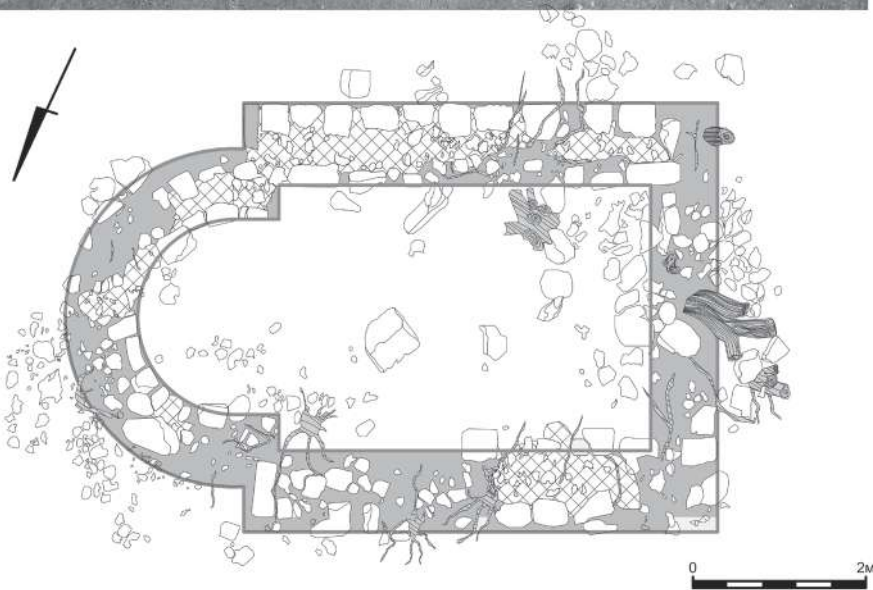

Рис. 6. «Церковь 1969 г.»: 1 – ортофотоплан (фото А.А. Душенко); 2 – план.

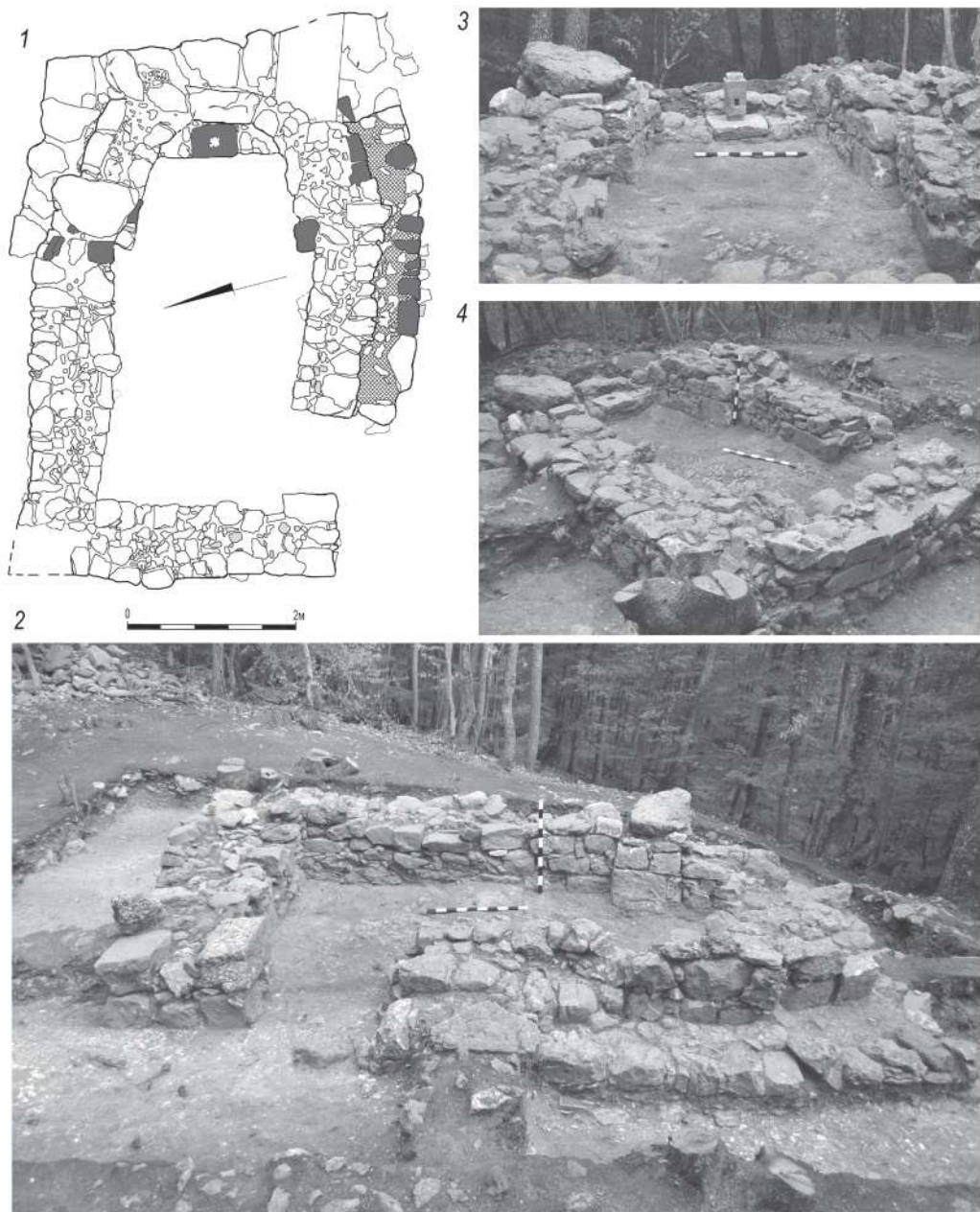

Рис. 7. «Церковь на г. Илька»: 1 – план; 2-4 – общий вид храма (фото В.Е. Науменко)

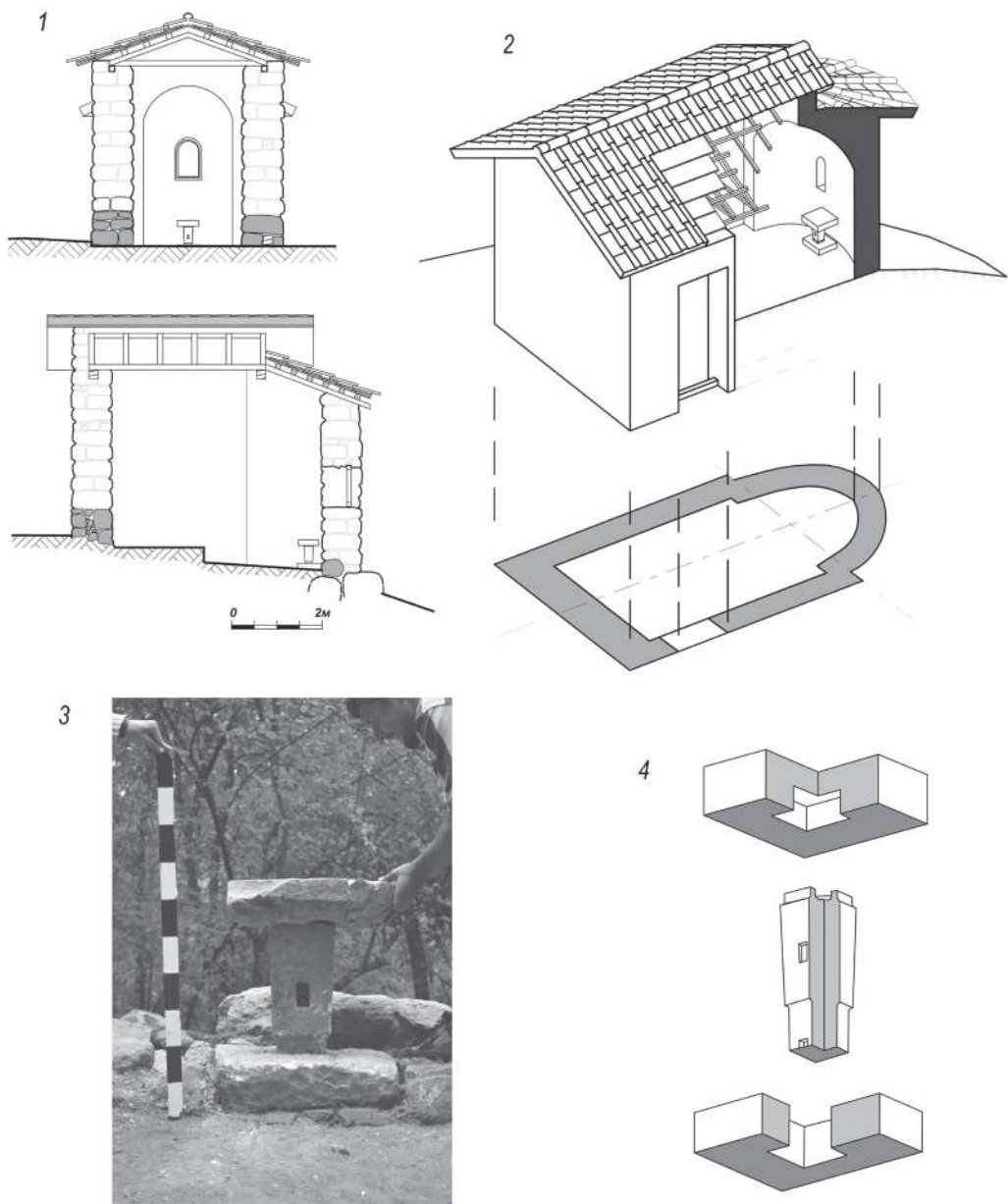
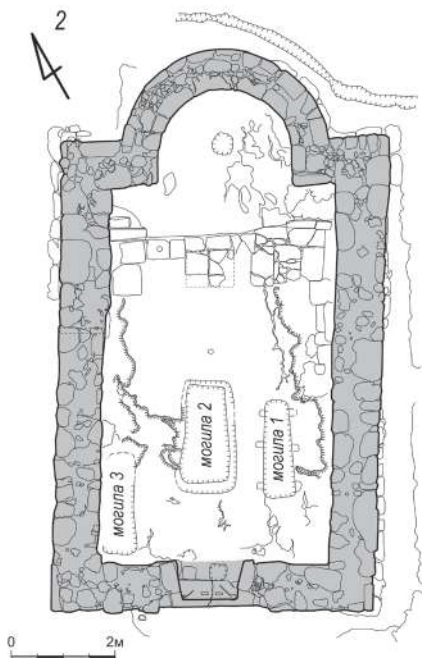

Рис. 8. «Церковь на г. Илька»: 1 – продольный и поперечный разрезы; 2 – реконструкция; 3 – престол (фото В.Е. Науменко); 4 – престол-реконструкция.

1

2

3

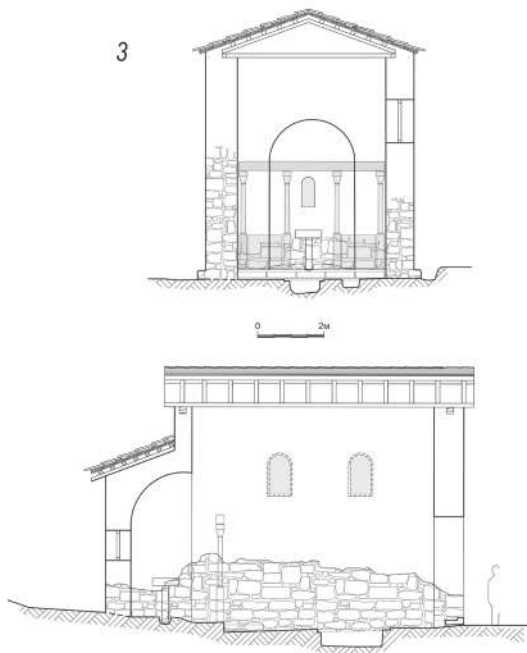
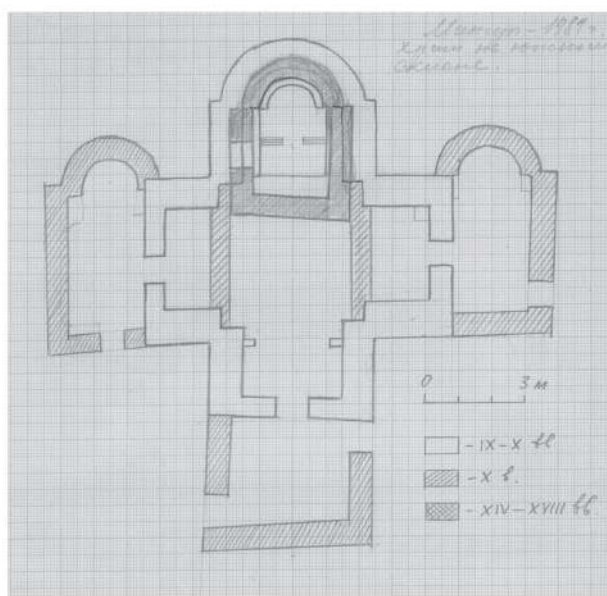

Рис. 9. «Церковь Св. Константина»: 1 – акварельный рисунок М.Б. Вебеля (по Уваров А.С.); 2 – план; 3 – продольный и поперечный разрезы.

1

2

3

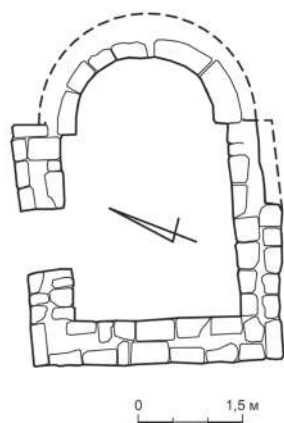

Рис. 10. «Часовня, построенная на развалинах крестообразного храма»: 1 – вид с юго-запада (по Мыц, 1981); 2 – общий чертеж (по Мыц, 1981); 3 – план.

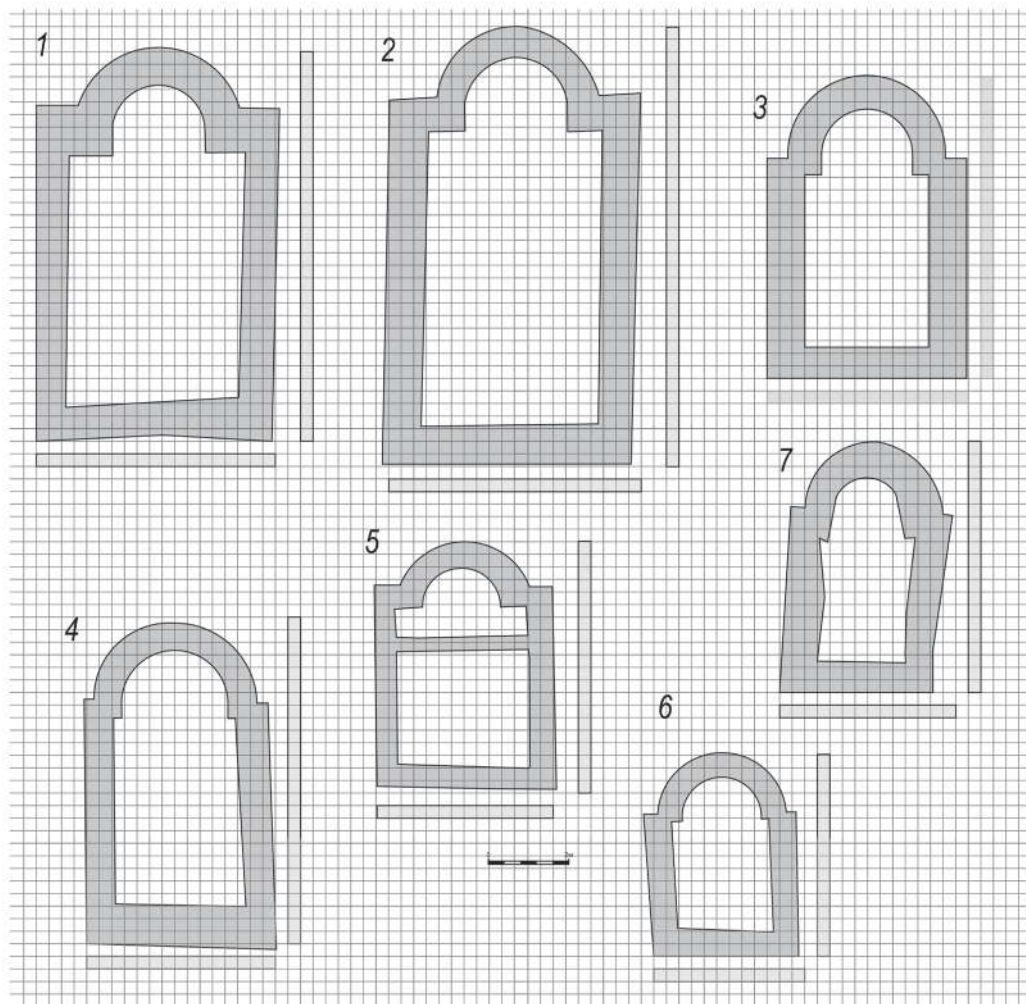

Рис. 11. Пропорции планов однефных храмов Мангупского городища: 1 – «церковь Св. Георгия»; 2 – «церковь Св. Константина»; 3 – «церковь 1969 г.»; 4 – «церковь 1967 г.»; 5 – «церковь 1968 г.»; 6 – «часовня на развалинах крестообразного храма»; 7 – «церковь на г. Илька».

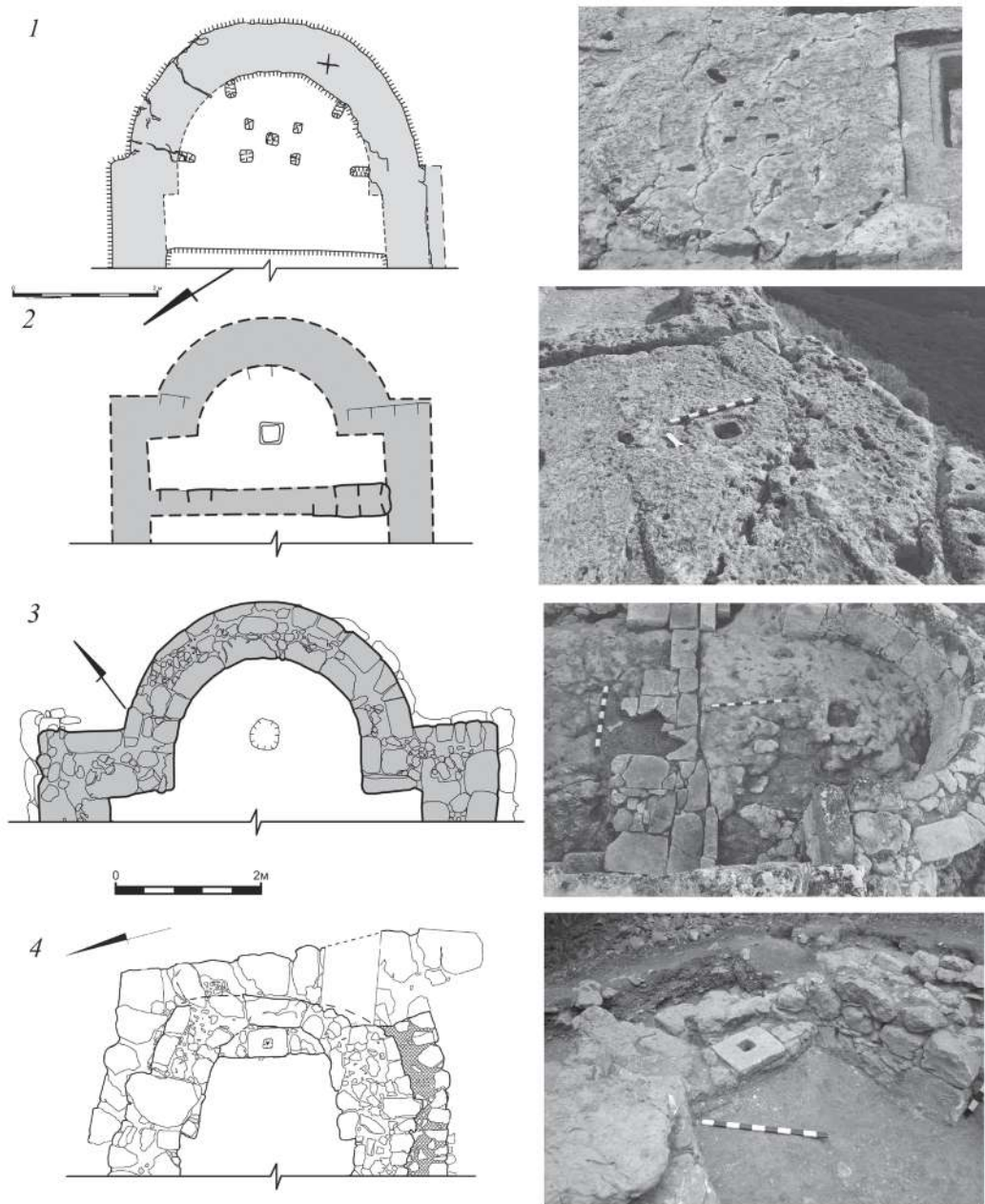

Рис.12. Алтари однефных храмов Мангупского городища: 1 – «церковь 1967 г.»; 2 – «церковь 1968 г.»; 3 – «церковь Св. Константина»; 4 – «церковь на г. Илька».

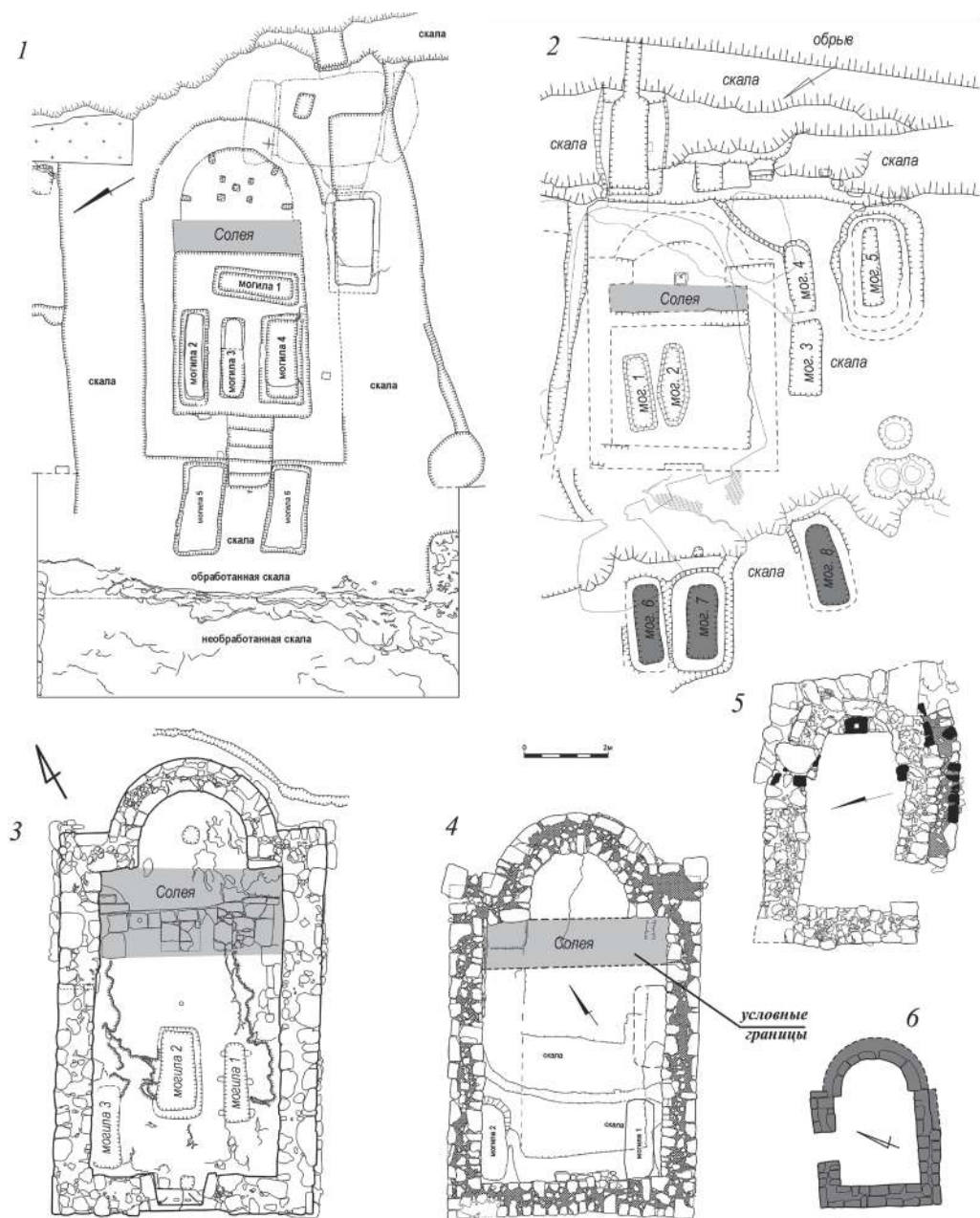

Рис.13. Солея в однефных храмах Мангупского городища: 1 – «церковь 1967 г.»; 2 – «церковь 1968 г.»; 3 – «церковь Св. Константина»; 4 – «церковь Св. Георгия»; 5 – «церковь на г. Илька»; 6 – «часовня на развалинах крестообразного храма».